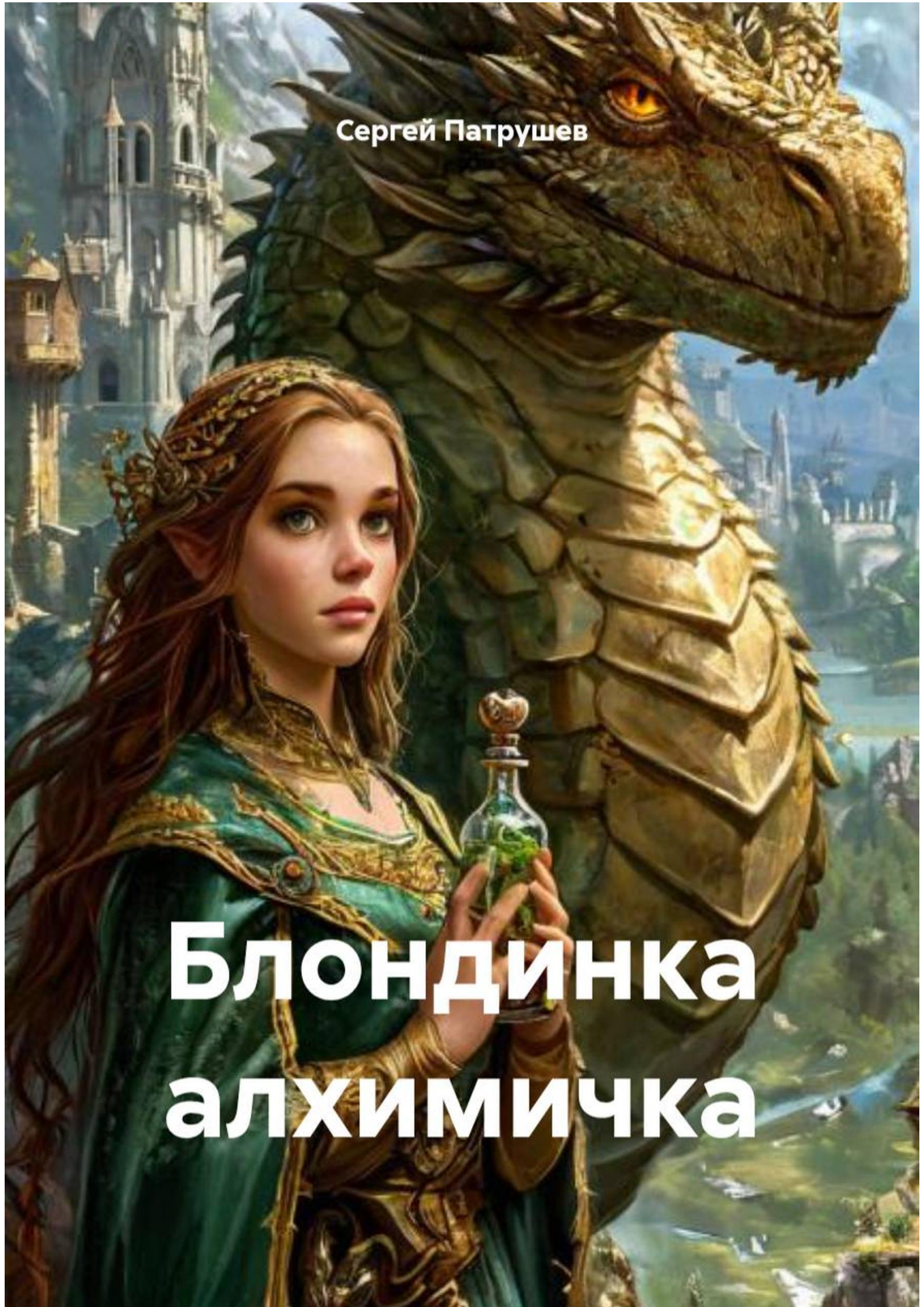

Сергей Патрушев

Блондинка алхимичка

Сергей Патрушев

Блондинка алхимичка

«Автор»

2026

Патрушев С.

Блондинка алхимичка / С. Патрушев — «Автор», 2026

В мире, где магия принадлежит королям, а драконы хранят древнюю правду, молодая алхимичка Элинон приезжает в замок Андер-Град с флаконом зелья, способного заставить дракона говорить на языке правды. Но в столице, раздираемой борьбой за трон, где эльфы хранят молчание, а гномы куят оружие для обеих сторон, правда оказывается опаснее любого яда. Здесь мальчик-король учится носить корону, которая ему велика, а отвергнутый принц ищет себя в Северном дозоре. Элинон предстоит понять, что главная формула — не в превращении свинца в золото, а в умении превращать тьму в свет, страх — в мужество, а ненависть — в прощение. Но успеет ли она, пока дракон, пробудившийся от многовекового сна, летит к замку, чтобы напомнить людям то, что они забыли? Роман о поиске правды, которая у каждого своя, и о семье, которую не выбирают по крови.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Блондинка алхимичка

блондинка алхимичка

Глава первая

В тот час, когда солнце, тяжелое и багровое, как капля застывшей крови, коснулось вершин Серебряных гор, долина Эрлинг утонула в лиловом сумраке. Воздух здесь, у подножия Королевского тракта, был густым и терпким, пропитанным запахом мокрого мха, старого камня и дальних пожарищ, о которых говорили только шепотом, да и то, оглянувшись на тень. Эта дорога, вымощенная еще в эпоху Первых Королей, когда гномы и люди клялись друг другу в вечной дружбе над расколотым хребтом дракона, теперь напоминала скорее шрам на теле израненной земли. Кое-где исполинские плиты вздыбились, прорванные корнями вековых дубов, что росли здесь задолго до того, как первый человек сжал в ладони рукоять меча. Меж камней, в колеях, оставленных тяжелыми телегами наемников и похоронными повозками знати, стояла рыжая, липкая вода.

По этой дороге, неспешно, но с той уверенной тяжелой поступью, какую дают долгие годы верховой езды и привычка ни перед кем не уступать путь, ехала женщина. Точнее, сначала взгляд улавливал лишь силуэт всадницы на крепком, коренастом жеребце андарской породы, чья серая шерсть в сумерках казалась цветом холодного пепла. Сама же всадница была облачена в дорожный плащ из плотной, тронутый временем и солью шерсти, капюшон низко надвинут на лоб, скрывая черты лица. Только прядь волос, выбившаяся на ветру, выдавала тот самый оттенок, из-за которого за ней закрепилось прозвище, произносимое то с насмешкой, то с опаской: блондинка. Но если бы путник, случайно оказавшийся на этом пустынном отрезке тракта, заглянул ей в лицо, он бы прежде всего заметил не цвет ее волос, а глаза – спокойные, выцветшие до прозрачной голубизны, с таким пристальным, изучающим взглядом, каким смотрят на перегонные кубы и реторты алхимики, ожидая, когда же наконец выпадет нужный осадок.

Ее звали Элинор. И она была алхимичкой. В мире, где магия, доставшаяся по праву крови эльфийским владыкам и людским королевским династиям, считалась благородным искусством, а грубая сила – доблестью, возня с тиглями, вытяжками и порошками была уделом или шарлатанов, или существ, стоящих на самой низкой ступени. Но Элинор знала, что истинная сила кроется не в врожденном даре, рассыпающемся в прах, когда иссякают древние родники, а в точной формуле, которую можно повторить, записать и передать. И за это знание, равно как и за цвет ее волос, немало могущественных людей готовы были перерезать ей глотку. Или, напротив, встать на колени.

Дорога вилась вдоль утеса, и внизу, насколько хватало глаз, расстиралась долина. Отсюда, с высоты, королевство Андерион казалось игрушечным, вырезанным из темного дерева и раскрашенным скупыми, тяжелыми красками. Квадраты полей, огороженные кривыми каменными стенками, тянулись к востоку, где в туманной дымке угадывался Великий Лес – исконные владения лесных эльфов, Сильванов. Никто из людей, даже самый отчаянный охотник, не заходил туда дальше третьей мили, потому что эльфы, хоть и хранили нейтралитет в людских распрях, ревностно оберегали свои границы. Говорили, что их король, Тар-Аэль Светлоликий, последние сто лет не покидает своего чертога из живого дерева, и что лицо его превратилось в кору, а глаза стали подобны двум звездам, которые видят всё, но не могут пошевелиться.

Это была красивая, пугающая легенда, которую Элинор считала правдой – слишком уж много древних сил питалось от земли, медленно превращая своих хранителей в ее часть.

Севернее, за изгибом реки Белль, дымили трубы Подгорных Чертогов – кузниц и плавильных гномов из клана Твердокаменных. Их цитадель, вырубленная в недрах горы Клык, была видна лишь по трем исполинским башням-шпилям, украшенным золотыми драконьими головами, с которых стекала дождевая вода, создавая вечную дымку водяной пыли. Гномы держались особняком, но без их оружия и доспехов не обходилась ни одна война за последние триста лет. Сейчас они, по слухам, заключили тайный сговор с одним из претендентов на трон – и этот претендент был не тот, чье имя сейчас произносили на всех перекрестках.

А в самом сердце долины, на высоком холме, подобно застывшему зверю, распластал свои каменные крылья Королевский Замок – Андер-Град. Его стены из серого гранита уходили ввысь на тридцать локтей, и казалось, что они выросли из самой скалы, не знающей милости ни к врагу, ни к другу. Башни, острые, как копья, упирались в багровое небо, а между ними, на главной площади замка, сейчас горели костры. Элинор прищурилась. Даже отсюда, с многомильной высоты, она могла различить смутное движение – люди собирались, что-то праздновали или, что бывало чаще, готовились к казни.

Она натянула поводья, и жеребец, фыркнув, остановился. В наступившей тишине стало слышно, как далеко внизу, у подножия утеса, горный ручей с грохотом перемалывает камни в песок. Старый король Олдрик, прозванный Железным Кулаком, умер три луны назад. И умер он, как шептались в тавернах, не своей смертью. Его старший сын, принц Эдвин, красивый, статный, умеющий говорить так, что даже камни начинали кивать в такт его словам, уже короновался в столичном соборе. Но вторая жена Олдрика, леди Ирена, которую при дворе за глаза называли Змеей за любовь к черным шелкам и умение плести интриги столь же искусно, сколь ее горничные плели кружева, отказывалась признать коронацию. Она заперлась в восточном крыле замка вместе со своим восьмилетним сыном, принцем Лотаром, и небольшой, но преданной армией наемников, которых привел из-за Мертвого моря загадочный капитан с лицом, скрытым стальной маской.

Борьба за трон раздирала Андерион на части. Бароны, которые еще недавно клялись в верности Эдвину, теперь тайно слали гонцов к леди Ирене, выжидая, чья чаша весов перетянет. Лорд-маршал Фаррелл, человек грубый, прямой, привыкший решать споры мечом, открыто поддерживал принца, но его армия стояла лагерем в трех милях от замка, блокируя подвоз продовольствия, и горожане внизу, в торговых кварталах, уже начинали роптать, потому что хлеб взлетел в цене в пять раз. В это же время на восточных границах активизировались кочевые племена варваров, чующих слабость королевства, и поговаривали, что кто-то из претендентов сам позвал их, пообещав им земли, которые сейчас принадлежат мятежным баронам.

В этой мешанине интриг, предательств, клятв, данных и нарушенных в одночасье, имя молодой алхимички стало всплывать все чаще. Говорили, что она – незаконнорожденная дочь последнего архимага, сожженного инквизицией за ересь двадцать лет назад. Говорили, что она нашла в его уцелевших бумагах способ превращать свинец в золото, но что важнее – способ превращать обычную сталь в оружие, которое может убить дракона. А драконы, эти древние, полусонные ящеры, обитавшие в пиках Серебряных гор, были той самой силой, которую пыталась приручить каждая из сторон. Один такой дракон, пепельный, с глазами цвета расплавленной меди по кличке Гхор, как утверждали, уже поклялся леди Ирене в верности за обещание вернуть ему старые драконьи гнездовья, отнятые когда-то первым королем.

Элино́р медленно сжала пальцы на поводьях, наблюдая, как первые звезды – холодные, равнодушные – загораются над башнями Андер-Града. Она не была ни за Эдвина, ни за Ирену. Она была за себя. И за тот рецепт, который хранился в ее памяти, зашифрованный сложнее, чем любой королевский манускрипт. Ей нужен был доступ в королевскую библиотеку, в ее нижние, запретные уровни, где среди пыли и паутины хранились книги, пережившие падение трех империй. А доступ туда мог дать только король. Любой король. Или та, что будет править вместо него, пока он слишком мал.

Ветер переменялся, и до нее донесся запах дыма, смешанный с запахом цветущего шиповника, который рос вдоль тракта. Сейчас, в сумерках, эти два запаха – тления и жизни – сплелись в один, столь же неразделимый, как судьбы всех, кто оказался втянут в эту бойню за кресло, обтянутое драконьей кожей. Элино́р откинула капюшон. Ее длинные, почти белые волосы рассыпались по плечам, и в последних лучах заката они вспыхнули холодным огнем. Она была бледна, с тонкими, решительными чертами лица, и в уголке ее губ затаилась полуулыбка – та самая, что появляется у игрока, когда он делает последнюю, решающую ставку.

– Ну что, старина, – тихо сказала она жеребцу, поглаживая его жесткую гриву. – Пора нам представиться ко двору. Как думаешь, кто нас встретит первым – палач или казначей?

Жеребец всхрапнул и мотнул головой, словно был с ней полностью согласен. Элино́р хлестнула поводья, и тяжелые копыта снова застучали по древним плитам, унося ее вниз, в долину, где в свете костров уже начинали оттачивать мечи, плести заговоры и считать золото, не подозревая, что самая опасная сила, которую они пытались призвать или уничтожить, сама идет к их порогу, сжимая в седельной сумке не меч, а стеклянный флакон с жидкостью, цвет которой напоминал застывшую утреннюю зарю.

Глава вторая

Ворота Андер-Града встретили ее запахом железа и страха. Это был не тот благородный звон мечей на турнирах, который так любят воспевать менестрели, а тяжелый, въедливый дух ржавчины, смешанный с потом, невымытым телом и дешевым вином, которым солдаты заливали свой страх перед грядущей осадой. Створки ворот, окованные почерневшей бронзой, были распахнуты настежь, но проход сужала двойная цепь пеших копеечников в нагрудниках, на которых еще не успели выпарпать новый герб – восходящего солнца над горным пиком – вместо старого, железного кулака, разбитого молотом. Копеечники были из людей лорда-маршала Фаррелла: угрюмые, с обветренными лицами, привыкшие больше к полевым лагерям, чем к караульной службе при дворе. Их капитан, человек с глубоким шрамом, пересекающим всю щеку и уходящим под воротник кольчуги, лениво окинул взглядом одинокую всадницу.

– Имя и цель, – голос его звучал равнодушно, как у человека, который за сегодняшний день пропустил через эти ворота уже сотню просителей, шпионов и торговцев смертью.

Элино́р не стала спешиваться. Она чуть наклонилась в седле, и это движение, плавное и хищное, заставило капитана неумовимо изменить позу – рука его скользнула к эфесу меча, но не потому, что он почувствовал угрозу, а потому что в ней было что-то неумовимо чуждое, не вписывающееся в привычный порядок вещей. В сумраке ее волосы, разлетающиеся по плечам, казались сейчас не просто светлыми, а почти светящимися, и это напомнило ему старые сказки нянек о девушках из тумана, что выходят на дороги в канун большой крови.

– Элино́р, дочь Альдри́ка, – сказала она спокойно. – Алхимик. Меня ждут.

Капитан хмыкнул, и шрам на его лице изогнулся неприятной улыбкой.

– Здесь многие ждут, госпожа. Кто-то – хлеба, кто-то – плахи. А кто вас ждет конкретно?

Она выдержала паузу, достаточно долгую, чтобы капитан успел ощутить неловкость, и затем тихо произнесла:

– Леди Ирена.

Имя повисло в воздухе, как брошенный камень, который вот-вот упадет и разобьет тишину. Копейщики переглянулись, движение их было едва заметным, но оно выдавало напряжение. Капитан же, напротив, вдруг стал подчеркнуто спокоен, даже расслаблен. Он медленно отошел от ворот, жестом приказав своим людям расступиться.

– Проезжайте, госпожа. Только советую держаться левой стороны, – добавил он, когда она уже поравнялась с ним. – Правая ведет к плацу лорда-маршала. А левая – к восточному крылу. Там, где сейчас обитает... леди Ирена. Но предупреждаю: стены восточного крыла тонки, а слухи в этом замке летают быстрее стрел.

– Я умею работать со стеклом и тиглем, капитан, – ответила Элино́р, не глядя на него. – Слухи – это тоже своего рода реактивы. Главное – знать нужную пропорцию.

Она тронула жеребца, и тот послушно зашагал по левой арке, под низкий каменный свод, где даже днем царил полумрак и капли воды, просачивающиеся сквозь тысячелетнюю кладку, падали на камни с размеренностью часового механизма. За ее спиной лязгнула цепь – ворота начали закрывать, но не до конца, а лишь наполовину, оставляя узкий проход для тех, кто еще мог пожаловать в этот осиный улей до наступления полной темноты.

Внутренний двор замка поражал своей суетой, которая казалась тем более неестественной, что была оболочкой для затаившегося ужаса. Справа, на главной площади перед тронным залом, горели костры, и вокруг них толпились люди – не столько горожане, сколько воины вперемешку с торговками, священниками и оборванными мальчишками, которые сновали меж ног, выкрикивая свежие новости, перемешанные с древними проклятиями. Там, у высокого крыльца, украшенного резными драконами, чьи каменные морды были обращены к небу в вечном безмолвном крике, стоял принц Эдвин. Элино́р разглядела его издали: высокий, в черном дублете с золотым шитьем, светлые волосы падают на плечи, рука лежит на эфесе меча, подаренного ему гномами в день совершеннолетия. Он говорил с группой баронов, и даже на расстоянии чувствовалась его харизма – тяжелая, вязкая, как расплавленный мед. Бароны кивали, один из них, тучный, с багровым лицом, даже рассмеялся чему-то, но смех его был похож на кашель умирающего.

Эдвин вдруг повернул голову, словно почувствовал чужой взгляд. Его глаза – серые, прозрачные, с той особой жестокостью, которая свойственна людям, привыкшим получать желаемое, – встретились с глазами Элино́р на мгновение. Она не отвела взгляда, и он первым отвернулся, но сделал это так, будто она была для него не более чем пролетевшая мимо птица – недостойная внимания деталь большого полотна. Однако она заметила, как дернулся уголок

его рта, когда он увидел, в какую сторону она направляется. Ее путь лежал к восточному крылу – к осажденной крепости внутри крепости, к Змее и ее восьмилетнему королю.

Восточное крыло было отрезано от остального замка не стеной, но пустотой. Широкий проход, ведущий к нему, был завален мешками с песком и деревянными баррикадами, за которыми угадывались фигуры наемников в пестрых, непохожих друг на друга доспехах. Здесь не было той показной дисциплины, что царила у людей лорда-маршала. Наемники сидели, кто на ящиках, кто прямо на камнях, чистили оружие, играли в кости, пили из глиняных кружек, но в их глазах, провожавших Элинора, не было лени. Было внимательное, расчетливое знание цены всему – и человеческой жизни, и обещанию, и золоту. И возглавлял эту пеструю команду человек, о котором говорили шепотом даже те, кто сам внушал страх.

Он стоял у входа, прислонившись спиной к колонне, и даже в сумерках его лицо скрывала стальная маска, гладкая, без единого проема для рта, с узкими прорезями для глаз, в которых поблескивал чужой, немигающий свет. Это был капитан, привезший наемников из-за Мертвого моря. Никто не знал его настоящего имени, и звали его просто – Маска. В его неподвижности было что-то от змеи, греющейся на камне перед броском, и когда он чуть повернул голову в сторону Элинора, она почувствовала на своей коже этот изучающий взгляд, холодный и тяжелый.

– Алхимичка, – сказал он. Голос его был глухим, металлическим, искаженным маской, но в нем слышалась насмешка. – А мы думали, вы будете выше ростом.

– Рост не имеет значения, когда работаешь с веществами, которые могут превратить человека в облако пара, – спокойно ответила Элинора, спешиваясь. – Вопрос лишь в дозировке.

Маска издал короткий, скрежещущий звук, который можно было принять за смех.

– Леди Ирена ждет вас. Но предупреждаю: она не любит разочарований. А у нас здесь, знаете ли, каждая унция серебра на счету. Даже те, что идут на покупку красивых стеклянных безделушек.

– Мои безделушки, – сказала Элинора, доставая из седельной сумки небольшой флакон, в котором плескалась прозрачная жидкость, – стоят дороже, чем вся ваша армия, капитан. И они способны на то, на что ваши мечи не способны. Например, сделать так, чтобы дракон выбрал одну сторону, а не другую.

Она произнесла это тихо, почти шепотом, но слова ее, упавшие в сырой воздух замкового двора, произвели эффект не хуже, чем если бы она громко крикнула. Наемники замерли, бросив кости. Даже люди Эдвина на главной площади, казалось, притихли на мгновение. Маска же медленно выпрямился, и в прорезях его маски вспыхнуло нечто, похожее на живой интерес.

– Проходите, – сказал он, отступая в сторону. – Леди Ирена в малой зале. Она будет рада видеть человека, который так много о себе говорит.

Элинора кивнула, передала поводья подошедшему конюху – мальчишке с бегающими глазами, который смотрел на нее так, будто она была привидением – и шагнула под своды восточного крыла. Здесь пахло иначе, чем во дворе. Здесь пахло ладаном, воском и тем сладковатым, тошнотворным запахом, который всегда сопутствует долгому ожиданию смерти – или власти.

Стены были увешаны гобеленами, изображавшими охоту на единорогов, но на некоторых темных пятнах еще не выцвели следы крови – здесь, в первую ночь после смерти короля, когда сторонники Эдвина попытались взять крыло штурмом, было убито не меньше дюжины человек.

Малая зала, куда ввели Элино́р, была освещена десятками свечей в высоких серебряных канделябрах. Они отражались в полированном черном дереве стола, за которым сидела женщина. Леди Ирена оказалась не такой, как рисовало воображение. Она не была ни красивой в привычном смысле слова, ни молодой. Ей было под сорок, лицо ее, бледное, с глубокими морщинами у рта, напоминало хорошо сделанную восковую маску, а глаза – темные, огромные, бездонные – смотрели на Элино́р с той жадной, лихорадочной внимательностью, которая бывает у игроков, поставивших на кон всё. На ней было платье из черного бархата, настолько плотного, что он стоял колоколом, а в ушах висели серьги с двумя крупными рубинами, цветом напоминавшими капли свежей крови. На столе перед ней стоял нетронутый кубок с вином и лежала раскрытая книга – старая, в кожаном переплете, с застежками из потускневшего серебра.

– Дочь Альдрика, – произнесла Ирена, и голос ее оказался низким, грудным, неожиданно мелодичным. – Я слышала о вас многое. Мой покойный супруг, король Олдри́к, говорил, что ваш отец был величайшим умом своего времени. И что его погубила не столько ересь, сколько близость к истине.

Она сделала паузу, давая словам осесть в тишине, и добавила:

– А еще я слышала, что вы, как и он, умеете делать то, что не под силу придворным магам. Вы умеете создавать, а не просто направлять. И вы умеете убивать, не прикасаясь к клинку.

Элино́р не сделала ни шагу вперед, оставшись стоять у порога, в тени, отбрасываемой канделябром. Она смотрела на королеву-мать спокойно, но внутри у нее все сжалось, потому что она поняла: эта женщина не просто игрок, она – игрок, который готов сжечь всю доску, если поймет, что проигрывает.

– Я умею делать много вещей, ваше величество, – сказала Элино́р, и в голосе ее прозвучала та же спокойная уверенность, с какой она въезжала в ворота. – Но прежде чем я покажу вам что-либо, я хочу увидеть принца Лотара. И я хочу понять, на что именно я соглашаюсь. Потому что формулы, которые я знаю, не терпят суеты. И ложь в них превращается в яд быстрее, чем любой известный мне растительный алкалоид.

Ирена медленно улыбнулась, и улыбка ее была подобна трещине в восковой маске.

– Умная женщина, – сказала она. – Это хорошо. Глупых я уже пережила. Их было семеро. – Она подняла руку, унизанную кольцами, и хлопнула в ладоши. – Позовите принца.

Из боковой двери, скрипнувшей так, будто ее не открывали годами, вышел мальчик. Принцу Лотару было восемь лет, но выглядел он младше – худой, с острыми плечами, в слишком большой для него бархатной куртке, расшитой золотыми драконами. Волосы у него были темные, как у матери, а глаза – большие, серые, как у отца, и в них застыло то выражение, которое бывает у детей, слишком рано узнавших, что взрослые врут. Он остановился рядом с креслом Ирены, и она положила руку ему на плечо – жест, который мог показаться материнским, если бы пальцы ее не впивались в ткань куртки с такой силой, что побелели суставы.

– Это алхимичка, Лотар, – сказала Ирена, не глядя на сына. – Она сделает так, чтобы дракон Гхор прилетел и сжег всех наших врагов. А потом ты станешь королем. Настоящим королем. Хочешь быть королем?

Мальчик молчал, глядя на Элинора. В его взгляде было что-то, отчего у нее зашипало в глазах – не жалость, а какое-то древнее, материнское, что она в себе давно убила, но что сейчас, вопреки ее воле, шевельнулось где-то в самой глубине.

– Я не обещаю драконов, – сказала Элинора, обращаясь не к Ирене, а к мальчику. – Я обещаю только то, что могу сделать сама. А могу я сделать так, чтобы у того, кто захочет причинить тебе зло, руки покрылись язвами, а язык распух и не мог произнести ни слова лжи. Это меньше, чем дракон, но это точнее.

Ирена резко вскинула голову, и в ее глазах на мгновение мелькнул страх – быстрый, как змеиный укус, но Элинора успела его заметить. Она поняла, что ошиблась. Эта женщина боялась не Эдвина, не лорда-маршала, не гномов и не драконов. Она боялась правды. И Элинора только что произнесла это слово, само его существование, в этом зале, пропахшем ладаном и ложью.

– Я вижу, вы любите сильные выражения, – сказала Ирена, и голос ее стал жестче, а улыбка окончательно сползла с лица. – Но здесь, при дворе, слова иногда имеют большее значение, чем в ваших ретортах. Так что будьте осторожны с тем, что обещаете, особенно в присутствии наследника.

Она сделала знак, и мальчика увели так же тихо, как и привели. Дверь за ним закрылась, и в зале снова остались только две женщины – одна в свете свечей, другая в тени у порога.

– Я дам вам комнату в западной башне, – сказала Ирена, беря кубок с вином, но не поднося его к губам. – Там есть все, что нужно для работы. Печь, вода, даже несколько старых книг из королевской библиотеки, которые я велела принести. Вам будет нужен доступ и к остальным книгам, я знаю. И вы его получите, когда я увижу результат. – Она поставила кубок на стол, и вино в нем колыхнулось, не затихая долгое время. – У меня есть враги. Их много. Я хочу, чтобы вы сделали что-то, что избавит меня от самого опасного из них. Не называя имен. Просто – сделайте.

– Я не убиваю безликих, – сказала Элинора. – Я не наемница, ваше величество. Я алхимик. Я работаю с субстанциями, и каждая из них требует имени, времени и места.

Ирена посмотрела на нее долгим взглядом, и в этом взгляде было что-то от того, как смотрят на тигель, в котором вот-вот произойдет нужная реакция – с надеждой, страхом и плохо скрываемым желанием отдернуть руку, если что-то пойдет не так.

– Имя, – повторила она медленно. – Хорошо. Пусть будет имя. Лорд-маршал Фаррелл. Он стоит между мной и троном. Между моим сыном и его короной. Он спит на железной койке, ест ту же пищу, что его солдаты, и каждое утро обходит плац, проверяя дозоры. У него нет слабостей, кроме одного: он верит в справедливость. И он считает, что мой сын – узурпатор, потому что родился вторым. Сделайте так, чтобы он перестал верить. Или перестал дышать. Мне все равно.

Элино́р стояла неподвижно, чувствуя, как под плащом, на груди, у самого сердца, пульсирует тепло маленького флакона, который она приготовила еще в пути – за три дня до того, как въехала в эти ворота. В нем была не отравка и не снадобье. В нем был кусочек того, что она добыла из драконьей крови, смешанной с серебряной пылью и вытяжкой из корня мандрагоры, взятой в ночь полнолуния. Это был ключ. Но не к смерти. К правде.

– Я сделаю это, – сказала она, и голос ее прозвучал ровно, без дрожи. – Но на моих условиях. Полный доступ в библиотеку. И одно обещание. Когда принц Лотар взойдет на трон, вы не тронете никого из тех, кто сейчас служит принцу Эдвину. Я хочу, чтобы вы дали мне слово. Слово королевы.

Ирена рассмеялась – коротко, горько, как смеются женщины, которые давно забыли, что такое смех без расчета.

– Слово королевы, – повторила она. – Вы наивны, дочь Альдрика. Слова, даже королевские, в этом мире значат не больше, чем обещания наемницы. Но я дам вам его. Потому что мне нужен результат. Идите. Завтра на рассвете я жду вас здесь же. С рецептом. Или с объяснением, почему вы не стоите того золота, которое я уже потратила на ваше появление.

Элино́р поклонилась – коротко, сухо, без той льстивой глубины, которую требовал этикет – и вышла. В коридоре, освещенном редкими факелами, ее ждал слуга с ключом. Он молча повел ее вверх по винтовой лестнице, в западную башню, туда, где даже днем царил полумрак и стены были влажными от древней, неистребимой сырости.

Комната оказалась больше, чем она ожидала. Круглая, с высоким стрельчатым окном, выходящим на север – туда, где в черноте ночи угадывались силуэты Серебряных гор. В углу стояла массивная печь с чугунной дверцей, рядом – длинный стол, заваленный пустыми склянками, ступками и тиглями. На полках, вделанных в стену, пылились книги – старые, в тяжелых переплетах, с выцветшими корешками. И среди них, на самой верхней полке, Элино́р заметила одну – тонкую, без опознавательных знаков, перевязанную почерневшим ремешком. Ее сердце забилося быстрее.

Слуга поставил на стол кувшин с водой, миску с хлебом и сыром, и бесшумно исчез. Элино́р осталась одна. Она подошла к окну, провела рукой по холодному камню подоконника. Внизу, в замковом дворе, догорали костры, и фигуры людей казались отсюда маленькими, суетливыми, как муравьи, роющие свой муравейник перед грозой. На востоке небо было чистым, и звезды горели ярко, но на севере, над горами, клубилась тяжелая черная туча, и в ней, иногда, вспыхивали багровые зарницы – или то, что люди принимали за зарницы.

Элино́р достала из-за пазухи заветный флакон и поставила его на стол, рядом с книгами. Свет единственной свечи, горевшей в комнате, преломился в стекле, и на стене заплясал крошечный, радужный зайчик. Она смотрела на него, и в голове ее проносились обрывки мыслей, быстрые, как те ночные ветра, что гуляли над башнями замка.

Она не собиралась убивать лорда-маршала. Она собиралась сделать нечто более опасное. Она собиралась дать леди Ирене то, что та просила – но не то, что та ожидала получить. Потому что в этой игре, где ставкой был трон, а пешками – жизни тысяч людей, настоящую власть имел не тот, кто убивал, а тот, кто умел менять саму природу вещей. И Элино́р, дочь сожженного алхимика, блондинка с глазами цвета выцветшей голубизны, только что сделала свой ход.

Она взяла с полки тонкую книгу, развязала ремешок, и на пожелтевшей странице, при свете свечи, прочла строки, написанные рукой ее отца двадцать лет назад: «Если хочешь изменить мир, не меняй королей. Меняй то, из чего сделаны их короны».

За окном, в черном небе над Серебряными горами, снова вспыхнула багровая зарница. И на этот раз Элинон была почти уверена – это были не зарницы. Это был дракон. И он уже чувствовал запах грядущей крови.

Глава третья

Ночь в Андер-Граде никогда не была по-настоящему темной. Слишком много веков пропитали эти камни светом факелов, отблесками костров и тусклым сиянием магических светильников, что еще горели в дальних коридорах, забытые ушедшими поколениями. Но эта ночь была особенно тяжелой – воздух в башне сделался вязким, словно невидимые руки мяли его, перемешивая запахи старой пыли, сухих трав и чего-то еще, едва уловимого, кисловатого, что появляется, когда в закрытом помещении долго горит свеча, сжигая последний чистый воздух.

Элинон не спала. Она сидела за столом, подперев голову рукой, и смотрела на разложенные перед собой предметы, как шахматист смотрит на доску перед решающей партией. Три склянки. Одна с мутноватой, желтоватой жидкостью, в которой на дне осела густая взвесь – вытяжка из коры серебряной ивы, собранной в ту самую ночь, когда умер король Олдрик. Вторая – с темно-синим порошком, мелким, как морской песок, и столь же текучим; это были перетертые в пыль кристаллы, которые она добыла из старого гномьего артефакта, купленного за полцарства у перекупщика в портовом городе Торн. Третья склянка была пуста, но именно она была главной – из горного хрусталя, прозрачного, как слеза, с пробкой из слоновой кости, на которой ее отец когда-то вырезал знак алхимического круга, разделенного на четыре части: земля, вода, огонь, воздух.

Рядом лежала книга – та самая, тонкая, перевязанная ремешком. Она была не из королевской библиотеки, как подумала Ирена, а гораздо ценнее. Это был дневник Альдрика, последние записи человека, которого сожгли за то, что он посмел утверждать, будто магия – это не дар богов и не право крови, а всего лишь непознанная формула, доступная любому, у кого хватит ума и терпения. Элинон перелистала страницы, исписанные мелким, нервным почерком, и остановилась на той, где внизу, почти на полях, было приписано: «Истинная алхимия не в превращении свинца в золото. Золото – это лишь металл. Истинная алхимия – в превращении страха в веру. Того, кто овладеет этим, будут бояться больше, чем дракона, и почитать выше, чем короля».

Она закрыла книгу, и в наступившей тишине услышала звук, который ждала уже час – легкий, почти неслышный скрип, а затем шорох подошвы по каменной ступени. Кто-то поднимался по винтовой лестнице, стараясь ступать как можно тише, но опытная охотница улавливала такие вещи даже сквозь толщу камня. Элинон не обернулась, не изменила позы, только пальцы ее правой руки легли на горлышко желтой склянки, а левая скользнула под плащ, где в потайном кармане лежал маленький кинжал с лезвием, смоченным в настое белладонны.

Дверь открылась без стука. На пороге стоял не тот слуга, что провожал ее вечером, а мальчик – худой, большеглазый, в бархатной куртке с золотыми драконами. Принц Лотар. В

руке он сжимал тусклый фонарь, чей свет едва достигал середины комнаты, оставляя углы в густой, непроглядной тени.

– Я знал, что вы не спите, – сказал он тихо, с той странной взрослой уверенностью, которая бывает у детей, вынужденных слишком рано стать серьезными. – Мама говорит, что те, кто работает с ядами, спят мало, потому что боятся проснуться мертвыми.

Элинор медленно убрала руку со склянки, но кинжал не выпустила.

– Твоя мама права, принц. Но я работаю не с ядами. Я работаю с лекарствами. Просто иногда грань между ними тоньше, чем лезвие бритвы.

Мальчик сделал шаг вперед, и свет фонаря упал на его лицо. Оно было бледным, с синими тенями под глазами, и в уголке губ засохла корочка – то ли от ветра, то ли от того, что он кусал губы, стараясь не заплакать, когда взрослые рядом говорили о войне и смерти. Он посмотрел на стол, на разложенные склянки, и в его глазах мелькнуло не детское любопытство, а что-то более тяжелое – давнее, выученное.

– Вы убьете лорда Фаррелла? – спросил он прямо, без обиняков. – Мама сказала, что вы сделаете так, чтобы он перестал стоять на пути. Я знаю, что это значит.

Элинор помолчала, разглядывая мальчика. Восемь лет. В его возрасте она уже умела читать, писать и отличать сулему от купороса, но она никогда не спрашивала взрослых, кого они собираются убить. Или, может быть, спрашивала, просто забыла. Те годы были слишком темными, чтобы помнить их в подробностях.

– А ты этого хочешь? – спросила она, и вопрос прозвучал жестче, чем она намеревалась. – Чтобы лорд Фаррелл умер?

Лотар опустил глаза, разглядывая носки своих сапог – дорогих, из мягкой кожи, но уже изношенных, потому что он, как и все дети, любил бегать, и запреты матери не могли это изменить.

– Я не знаю, – сказал он после долгой паузы. – Лорд Фаррелл был другом моего отца. Он приносил мне деревянного дракона, когда я болел прошлой зимой. Но теперь он говорит, что я не настоящий принц, потому что родился вторым. А мама говорит, что он врет, потому что король сам назвал меня наследником перед смертью. Я не знаю, кто говорит правду. Я вообще не знаю, что такое правда.

Элинор смотрела на него, и где-то глубоко внутри, в том самом месте, которое она считала давно омертвевшим, что-то сжалось. Она вспомнила другого мальчика – себя, девочку в грязном платье, стоящую на рыночной площади, где горел костер, и запах горелого мяса смешивался с запахом цветущей липы. Она тогда тоже не знала, что такое правда. Она знала только, что те, кто говорил громче всех, сжигали ее отца, а те, кто молчал, смотрели и кивали.

– Правда, – сказала она медленно, подбирая слова так же тщательно, как подбирала ингредиенты для сложной реакции, – это то, что остается, когда сгорает вся ложь. И иногда, чтобы увидеть правду, нужно сначала разжечь огонь. Но огонь бывает разный. Есть тот, что жжет, и есть тот, что освещает.

Она встала из-за стола, подошла к окну и отодвинула тяжелую портьеру, пропуская в комнату тусклый, звездный свет. На севере, над Серебряными горами, туча разрослась, закрыв половину неба, и в ее глубине теперь то и дело вспыхивали багровые прожилки, похожие на кровеносные сосуды гигантского тела.

– Ты видел дракона, Лотар? – спросила она, не оборачиваясь.

Мальчик подошел ближе, встал рядом с ней у окна, и его голова едва доставала ей до плеча.

– Нет. Только на картинках в книгах. И на гобелене в тронном зале. Там король Артан убивает дракона копьем, и из раны течет кровь, и из крови вырастают цветы. Мама говорит, что это сказка, потому что драконов нельзя убить, можно только приручить.

– Твоя мама снова права, – сказала Элинон. – Драконы – это не звери. Они старше людей, старше эльфов, старше, может быть, даже самих гор. Они помнят то, что было до того, как первые короли начали считать свои владения. И они не умирают. Они просто засыпают. А когда просыпаются, они ищут не золото, как думают глупцы, а то, что они потеряли.

– А что они потеряли? – голос мальчика стал тише, почти шепотом, словно он боялся, что дракон за окном может его услышать.

– Веру, – сказала Элинон. – Они потеряли веру в то, что мир еще можно спасти. И поэтому они выбирают сторону не тех, кто сильнее, а тех, кто больше похож на них – тех, кто тоже потерял веру.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только потрескиванием свечи. Где-то далеко внизу, в замковом дворе, ударил колокол – глухой, тяжелый звук, возвещавший смену ночной стражи. Лотар вздрогнул, но не отступил от окна.

– Вы знаете, как сделать так, чтобы дракон прилетел? – спросил он. – Не чтобы убивать, а чтобы... чтобы он выбрал правую сторону?

Элинон посмотрела на него сверху вниз, и в ее глазах, выцветших до прозрачной голубизны, отразились далекие зарницы.

– Я знаю, как сделать так, чтобы дракон увидел правду, – сказала она. – Но это опасно. Не для меня, для тех, кто окажется рядом. Потому что драконья правда не похожа на человеческую. Она обжигает.

Мальчик молчал долго, так долго, что Элинон уже подумала, не уснул ли он стоя, но потом он поднял голову, и в его глазах было что-то твердое, недетское.

– Мой отец умер не от болезни, – сказал он вдруг, и голос его дрогнул, но не сломался. – Я слышал, как мама говорила с капитаном Маской. Она сказала: «Снадобье сработало быстрее, чем мы думали». Я не знаю, что такое снадобье. Но я знаю, что после того, как отец выпил вино перед сном, он больше не проснулся.

Элино́р замерла. Внутри у нее все оборвалось, но лицо осталось неподвижным, как маска. Она знала, что король умер не своей смертью – об этом шептались в каждом городе, в каждой таверне. Но услышать это от восьмилетнего мальчика, который стоял сейчас перед ней, такой маленький и такой страшный в своей правоте, было совсем другим делом.

– Зачем ты мне это говоришь? – спросила она тихо.

Лотар посмотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде не было ни страха, ни отчаяния – только какая-то холодная, взрослая решимость.

– Потому что вы не такая, как другие, – сказал он. – Вы приехали не за золотом. Вы приехали за книгами. А те, кто приезжает за книгами, ищут правду. Я хочу, чтобы вы ее нашли. Всю. И тогда, может быть, дракон прилетит не к маме и не к Эдвину. Может быть, он прилетит к правде.

Он развернулся и направился к двери, волоча за собой фонарь, который бросал длинные, пляшущие тени на каменные стены. У порога он остановился, не оборачиваясь.

– Я прикажу страже, чтобы вас пропустили в библиотеку, – сказал он. – У меня есть свой ключ. Мама не знает. А вы никому не говорите, что я приходил. Иначе... – он замолчал, и плечи его вздрогнули, но голос остался твердым. – Иначе меня запрут в башне, как прошлый раз, когда я сказал прислуге, что короля отравили.

Дверь за ним закрылась, и шаги его затихли вниз по лестнице, медленные, осторожные, как у человека, который привык прятаться в собственной крепости.

Элино́р осталась одна. Она стояла у окна, глядя на багровые всполохи над горами, и в голове ее крутились обрывки мыслей, быстрые, как ртуть. Мальчик, восьмилетний мальчик, только что открыл ей то, что могло стоять жизни и ей, и ему. И он сделал это не из страха и не из детской наивности. Он сделал это потому, что в мире, где взрослые торговали правдой, как торговцы на рынке торгуют гнилым мясом, он хотел найти хоть одну душу, которая не продалась.

Элино́р подошла к столу и взяла в руки хрустальную склянку – пустую, с вырезанным на пробке алхимическим кругом. Она повертела ее в пальцах, и свет свечи, преломившись в гранях, рассыпался по стене крошечными, радужными брызгами.

– Что ж, старина, – сказала она тихо, обращаясь к пустой комнате, но в ее голосе слышалось то же странное спокойствие, с каким она въезжала в ворота. – Кажется, у нас появился новый заказчик. И он платит не золотом.

Она поставила склянку на стол, рядом с книгой отца, и провела пальцами по выпуклым страницам. Слова, написанные двадцать лет назад, смотрели на нее с бумаги, и в них не было ни капли сомнения: «Когда мир катится в пропасть, спасает его не тот, кто сильнее, а тот, кто помнит, зачем он здесь».

За окном снова ударил колокол, и на этот раз звук его был резче, тревожнее. А может, ей только показалось. Внизу, в замковом дворе, залаяли собаки, и чей-то голос выкрикнул команду, сразу оборвавшуюся, словно ее перерезали ножом. Элино́р подошла к окну и увидела,

как по внутреннему двору, держась теней, скользнула группа всадников – человек пять, в темных плащах, с низко надвинутыми капюшонами. Они въехали через боковые ворота, которые редко открывались, и направились к восточному крылу – к леди Ирене.

Гонцы. Тайные гонцы, которых посылают только тогда, когда обычные слова уже не работают, а нужно передать то, что нельзя доверить бумаге. Элино́р проследила за ними взглядом, пока они не скрылись за баррикадами наемников, и в голове ее сложилась картина, ясная и холодная, как зимнее небо.

Ирена готовилась к чему-то. Не к обороне – к удару. И этот удар должен был случиться скоро, может быть, завтра или послезавтра. И в этом ударе алхимичке отводилась роль то ли оружия, то ли жертвы. Но у Элино́р были свои планы. И с той минуты, как маленький принц переступил порог ее комнаты и сказал слова, которые никто не должен был слышать, эти планы изменились.

Она взяла со стола желтую склянку, вылила содержимое в пустую хрустальную, добавила щепотку синего порошка и поставила смесь на медленный огонь в маленькой медной чаше, что нашлась среди инструментов. Жидкость закипела почти сразу, но не бурно, а как-то лениво, выпуская на поверхность пузырьки, которые лопались с едва слышным шепотом. Цвет ее начал меняться – из желтого в янтарный, из янтарного в густой, кроваво-красный, а потом, когда Элино́р добавила три капли собственной крови из уколотого пальца, смесь вдруг стала прозрачной, чистой, как родниковая вода, и от нее пошел легкий, едва уловимый запах – не цветов и не трав, а запах грозы, озона и горячего металла.

Элино́р смотрела на эту прозрачную жидкость, и в глубине ее глаз, выцветших и спокойных, отражалось пламя свечи.

– Это не яд, – сказала она вслух, словно отец, чья книга лежала рядом, мог ее слышать. – И не лекарство. Это зеркало. В нем отражается не лицо, а суть. Тот, кто выпьет это, увидит правду. Всю. И это будет либо его спасение, либо его смерть. Смотри какую правду он захочет увидеть.

Она перелила жидкость в маленький стеклянный флакон, который носила на груди, и спрятала его под плащ. Свеча догорала, и комната погружалась в темноту, но на севере, над горами, багровые всполохи становились все ярче, и теперь уже не было сомнений: это был не грозовой разряд. Дракон просыпался. И его пробуждение чувствовалось в самом воздухе – тяжелом, напряженном, готовом вспыхнуть от одной искры.

Элино́р легла на жесткую койку, не раздеваясь, положив руку на грудь, туда, где под тканью плаща пульсировало тепло маленького флакона. Она закрыла глаза, но не спала – ждала. Ждала утра, когда ей предстояло войти в залу к леди Ирене и сказать то, что определит судьбу этого королевства. Или, может быть, не утра – она уже не была уверена, что доживет до утра, потому что внизу, в коридорах восточного крыла, слышались шаги – тяжелые, быстрые, шаги людей, которые несут приказ.

Но она не боялась. Страх, как учил ее отец, – это всего лишь реакция организма на недостаток информации. У нее было достаточно информации. И был рецепт. И была правда, которую ей доверил мальчик с глазами, слишком взрослыми для его лет.

Внизу, в замковом дворе, ударили в набат. Один раз, другой, третий. И в этом звуке было что-то окончательное, необратимое – как скрежет засова, который захлопывается, отрезая путь к отступлению.

Элино́р улыбу́нулась в темноте, и улыбка ее была похожа на ту, что появляется у алхимика, когда в реторте, наконец, выпадает нужный осадок.

– Игра началась, – сказала она тихо, обращаясь к теням, к горам, к дракону, что ворочался в своем многовековом сне. – И теперь уже никто не сможет сделать вид, что он не игрок.

Глава четвертая

Набат над Андер-Градом бил ровно семь ударов, когда в дверь комнаты Элино́р постучали. Не вежливый, церемонный стук слуги, а резкий, требовательный, от которого задрезжала щеколда. Она уже была на ногах – не спала всю ночь, сидя у окна и наблюдая, как багровые всполохи над горами медленно гаснут, уступая место серой, промозглой заре. В предрассветном свете замок казался высеченным из свинца, тяжелым и мертвым, и только движение фигур на стенах – дозорные, сменившиеся дважды за ночь, – напоминало о том, что здесь еще теплится жизнь.

Она открыла дверь, держа руку под плащом, нащупывая холодную сталь кинжала. На пороге стоял незнакомый человек – не слуга, не наемник Маски, а кто-то другой, в добротном, но неброском камзоле темно-зеленого цвета, с лицом, которое трудно было запомнить: ни молодой, ни старый, ни красивый, ни уродливый. Такие лица бывают у профессиональных гонцов, у шпионов и у палачей, которым приходится каждый день смотреть в глаза людям, которых они ведут на смерть.

– Леди Ирена требует вас к завтраку, – сказал он голосом, не выражающим ничего. – Немедленно.

– А если я не голодна? – спросила Элино́р, не двигаясь с места.

Человек в зеленом моргнул – единственное движение, выдавшее в нем живое существо.

– Леди Ирена сказала «требует», а не «приглашает». Разница, полагаю, вам знакома.

Он не стал дожидаться ответа, развернулся и зашагал вниз по лестнице, не оборачиваясь, словно был абсолютно уверен, что она последует за ним. И она последовала. Потому что в этом замке, где каждое утро могло оказаться последним, отказ от приглашения королевы-матери был равносителен приговору.

Коридоры восточного крыла встретили ее запахом жареного мяса и свежего хлеба – странный, почти издевательский запах для места, которое готовилось к осаде. Наемники, попадавшиеся навстречу, были сыты, вооружены до зубов и, судя по их лицам, спали эту ночь не больше, чем она. Они провожали ее взглядами – не теми, которыми мужчины обычно провожают женщину, а теми, которыми мясник провожает барана, прежде чем опустить нож. Она была для них инструментом, и инструменты, которые перестают быть полезными, в этом мире долго не живут.

Малая зала, куда ее ввели, за ночь переменялась. Стол, вчера еще пустой, теперь ломился от яств: запеченные куропатки в меду, серебряные блюда с фруктами, высокие кувшины с вином и эльфийской настойкой, которую подавали только по великим праздникам. Но главным украшением стола были не яства, а люди, сидевшие за ним.

Леди Ирена восседала во главе, в том же черном платье, но с другой брошью на груди – золотой дракон, сжимающий в лапах рубин, величиной с голубиное яйцо. Эту брошь носила только королева. Вчера ее не было. Сегодня она появилась, и это было заявлением более громким, чем любой герольд.

По правую руку от Ирены сидел капитан Маска. Он ел с той же механической, неестественной медлительностью, с какой делал все остальное, и стальная маска его, блестящая в свете свечей, делала этот процесс отталкивающим – металл соприкасался с металлом, и каждый глоток вина, каждый кусок мяса исчезал в узкой прорези, оставляя зрителя в мучительном недоумении: что же там, под этой гладкой сталью, человек или механизм?

Но не они приковали взгляд Элинора, когда она переступила порог. Слева от Ирены, на месте, которое должно было принадлежать наследнику, сидел не принц Лотар. Там сидел незнакомый мужчина – лет пятидесяти, с густой проседью в рыжих волосах, одетый в дорожный плащ из тонкой шерсти, под которым угадывалась кольчуга, слишком легкая для человека его возраста и положения. Лицо его было изрыто оспой, но глаза – маленькие, цепкие, цвета болотной зелени – смотрели на Элинора с той спокойной, уверенной наглостью, которая бывает у людей, привыкших торговаться за жизни так же легко, как другие торгуются за лошадей.

Ирена, не предложив сесть, не поздоровавшись, указала на незнакомца длинным, униженным кольцами пальцем:

– Это лорд Корвин. Он прибыл сегодня ночью. С севера.

Корвин. Элинора знала это имя. О нем шептались на всех трактах от Торна до Серебряных гор. Лорд Корвин из Пограничного Марша был тем самым бароном, который первым открыто поддержал Ирену, когда остальные еще делали вид, что соблюдают нейтралитет. Он контролировал северные перевалы – единственный путь, по которому в Андерсион могли прийти подкрепления от союзников. И его появление здесь, в восточном крыле, в предзакатный час, означало только одно: время выжидания кончилось. Ирена готовилась к удару.

– Садитесь, дочь Альдрика, – сказала Ирена, и голос ее звучал мягко, почти ласково, что было страшнее любого крика. – Мы обсуждали вас всю ночь. Лорд Корвин очень хотел познакомиться с женщиной, которая обещает нам победу.

Элинора села на свободный стул напротив Маски, чувствуя, как под плащом пульсирует тепло флякона. Она не притронулась к еде, но взяла кубок с вином, просто чтобы занять руки.

– Я не обещаю победы, – сказала она спокойно. – Я обещаю работу. Результат зависит от того, насколько точно соблюдены условия.

Лорд Корвин отложил нож, которым только что кромсал куропатку, и уставился на нее своими болотными глазами.

– Условия, – повторил он, и в голосе его прозвучала насмешка. – Моя леди говорит, что вы хотите доступ в королевскую библиотеку. В нижние уровни. Вы, должно быть, считаете, что там хранятся ответы на все вопросы. Я был в этой библиотеке, госпожа алхимичка. Там только пыль и паутина. И кое-какие книги, которые умные люди предпочли бы сжечь много лет назад.

– Возможно, – сказала Элинора, не отводя взгляда. – Но я не из тех, кто боится пыли. Или книг.

Корвин усмехнулся, обнажив крупные, лошадиные зубы.

– А я слышал, что вы боитесь другого. Я слышал, что вы боитесь остаться без заказчика. Что в этом городе, где каждый второй готов продать родную мать за медяк, вы – единственная, кто работает на совесть.

– Лорд Корвин, – перебила Ирена, и в голосе ее прозвучало предостережение. – Мы здесь не для того, чтобы оскорблять нашу гостью. Мы здесь для того, чтобы решить, стоит ли нам продолжать с ней дело.

Она повернулась к Элиноре, и в ее глазах, огромных, темных, горел тот самый лихорадочный огонь, который Элинора заметила вчера. Но теперь к нему прибавилось что-то еще – нетерпение, граничащее с отчаянием.

– Вы сказали вчера, что можете сделать так, чтобы лорд Фаррелл перестал быть проблемой. Я жду доказательств. Не обещаний – доказательств. Потому что у меня есть и другие предложения, и они, – она бросила быстрый взгляд на Корвина, – гораздо более... прямые.

Элинора медленно поставила кубок на стол, и в тишине, наступившей после этого движения, она услышала, как за тонкой стеной кто-то затаил дыхание. Она знала, что сейчас каждая секунда на счету, что одно неверное слово – и она вылетит из этого замка быстрее, чем успеет произнести заклинание, которого на самом деле не знала.

– У меня есть рецепт, – сказала она, и голос ее звучал ровно, как струна. – Он не убивает. Он показывает. Я могу приготовить зелье, которое заставит лорда Фаррелла увидеть правду о смерти короля Олдрика. Вся правду. И тогда вопрос о его поддержке решится сам собой.

За столом воцарилась тишина. Такая глубокая, что слышно было, как в соседней комнате пролетела муха, ударившись о стекло. Леди Ирена побелела. Это было не метафорическое «побелела» – краска отхлынула от ее лица так быстро, что казалось, будто кто-то невидимой рукой стер с него все краски, оставив только восковую бледность. Ее пальцы, сжимавшие край стола, побелели тоже, и драгоценные кольца вдруг стали казаться слишком тяжелыми для этих тонких, дрожащих рук.

Лорд Корвин, напротив, медленно покраснел – багровая волна поднялась от шеи к щекам, к лбу, и остановилась у корней рыжих волос, сделав его лицо похожим на печеное яблоко.

– Это шутка? – спросил он, и голос его стал ниже, опаснее. – Вы предлагаете королеве-матери сварить отвар, который расскажет первому маршалу королевства о том, как...

– Довольно! – голос Ирены прозвучал как удар хлыста. Она встала, и стул ее с грохотом отлетел назад, ударившись о стену. Теперь она была вся – черное платье, бледное лицо, сверкающие рубины – похожа на птицу, готовую к броску. – Вы что, издеваетесь надо мной? Я привезла вас сюда, заплатила вперед, обеспечила вам крышу над головой и лабораторию, а вы приходите ко мне с... с этим?

Она перевела дух, и Элинор увидела, как под тонкой кожей на ее шее бьется жилка – быстро, часто, как у загнанного зверька.

– Я думала, вы умнее, – продолжала Ирена, и голос ее стал тише, но от этого не менее страшным. – Я думала, вы понимаете, что в большой игре не место детским фокусам с зеркалами и отражениями. Здесь, – она обвела рукой залу, свечи, стол с яствами, лица людей, – здесь решают не правдой. Здесь решают силой. Золотом. Кровью. И если вы не можете дать мне то, что я прошу, то, быть может, лорд Корвин прав, и ваше место не в лаборатории, а в темнице, где вы сможете вдоволь начитать своих книг, пока не сгниете заживо.

Элинор не встала. Она сидела, глядя на королеву-мать снизу вверх, и в ее глазах не было ни страха, ни торжества – только та самая спокойная, выжидательная внимательность, с какой смотрят на кипящую реторту, зная, что реакция вот-вот произойдет, и нужно только не отвести взгляд.

– Вы правы, ваше величество, – сказала она, и слова ее упали в тишину, как капли в стоячую воду. – В большой игре не место правде. Но я не игрок. Я алхимик. И мое дело – не выбирать сторону, а находить формулу. Формулу, которая работает. И я нашла ее.

Она медленно поднялась из-за стола, и это движение, плавное, неторопливое, заставило Маску – до сих пор неподвижного, как статуя – чуть изменить позу. Его рука легла на эфес меча, и это было единственным признаком того, что он вообще слышал происходящее.

– Вы хотите убить лорда Фаррелла? – спросила Элинор, глядя прямо в глаза Ирене. – Я могу это сделать. Завтра утром он будет мертв. Но вы должны знать, что за этим последует. Его армия – десять тысяч человек, закаленных в боях, преданных ему лично – не сложит оружия, потому что их командир умер от яда. Они пойдут на штурм. И даже ваши наемники, даже дракон, если он действительно придет, не спасут вас от десяти тысяч обезумевших солдат, которые будут рвать вас на части, потому что им больше нечего терять.

Она перевела взгляд на Корвина, и тот, встретившись с ней глазами, вдруг понял, что смотрит не на придворную шарлатанку, а на человека, который видит его насквозь, до самого дна, где плавали обрывки предательств и невыплаченных долгов.

– Вы же, лорд Корвин, – продолжала она, и голос ее стал тише, почти интимным, – вы приехали сюда не из любви к леди Ирене. Вы приехали, потому что принц Эдвин отказался отдать вам северные земли, которые вы считаете своими по праву. Вы готовы поддержать любого, кто пообещает вам их. Но вы не дурак. Вы знаете, что если Фаррелл умрет, а дракон сожжет армию Эдвина, то следующим, кто встанет на пути у леди Ирены, будете вы. Потому что сильные васалы не нужны сильной королеве.

Корвин дернулся, как от пощечины, и рука его метнулась к поясу, где висел кинжал. Но Маска, не сказав ни слова, вдруг оказался рядом – быстрее, чем глаз мог уследить за движением, – и его стальная рука легла на плечо Корвина, сжав его так, что барон скривился от боли.

– Капитан, уберите руку, – сказала Ирена, и голос ее прозвучал устало, сломленно. Она смотрела на Элинора, и в ее взгляде, помимо ярости, была еще и растерянность – чувство, которое эта женщина, должно быть, испытывала очень редко и очень не любила. – Что вы предлагаете?

Элинора сделала шаг вперед, и теперь она стояла так близко к королеве, что могла разглядеть мелкие морщинки у ее глаз, искусно скрытые слоем пудры, и синие тени под нижними веками – следы бессонной ночи, которую Ирена провела, считая, чья сторона перетянет.

– Я предлагаю вам то, что вы ищете на самом деле, – сказала Элинора. – Не убийство. Не правду. Власть. Настоящую, твердую власть, которая не зависит от того, кто сегодня проснулся в хорошем настроении, а кто подписал тайный договор с врагом. Я предлагаю вам формулу, которая заставит дракона Гхора прилететь и сесть у ваших ног, как ручная собака. Но не как убийца, а как живой герб вашей власти. И когда люди увидят дракона, который слушается королеву, а не какого-то там принца, они перестанут спрашивать, кто прав, а кто виноват. Они просто встанут на колени.

В зале стало тихо. Даже свечи, казалось, перестали потрескивать, замороженные этой тишиной. Ирена смотрела на Элинора долгим, тяжелым взглядом, и в ее глазах медленно угасал огонь ярости, уступая место чему-то другому – холодному, расчетливому, знакомому.

– И вы можете сделать это? – спросила она, и голос ее был тих, как шелест шелка. – Вы можете заставить дракона подчиниться?

Элинора медленно, очень медленно, расстегнула верхнюю пуговицу плаща и достала флакон – тот самый, хрустальный, с прозрачной жидкостью, что приготовила ночью. В свете свечей он засверкал, рассыпая по стенам маленьких, пляшущих зайчиков.

– Это не подчинение, – сказала она. – Драконы не подчиняются никому. Это – зеркало. Я дам вам эту жидкость, и вы выпьете ее перед драконом. Он увидит в вас не врага и не слугу, а того, кто говорит на его языке. Того, кто не боится. И тогда он сделает выбор сам. Но я предупреждаю: тот, кто выпьет это, должен быть готов увидеть себя настоящего. Потому что дракон видит правду. И если в вас есть ложь, он сожжет вас быстрее, чем вы успеете произнести свое имя.

Ирена протянула руку, но Элинора не отдала флакон.

– Есть еще одно условие, – сказала она.

– Я уже дала вам слово, – напомнила Ирена, и в ее голосе снова зазвучали стальные нотки.

– Не это, – сказала Элинора. – Я хочу, чтобы вы поклялись перед свидетелями, что, когда принц Лотар взойдет на трон, вы не тронете ни волоса на голове тех, кто служил вашему пасынку. Не потому, что я добрая. А потому, что если вы начнете править с крови и мести, то никакой дракон не удержит вашу корону дольше года.

Взгляд Ирены потемнел, и на мгновение Элинон показалось, что сейчас последует отказ, что королева позовет стражу и эта игра закончится там, где начинаются все игры, в которых победитель не оставляет свидетелей. Но потом Ирена сделала то, чего Элинон не ожидала. Она улыбнулась. Улыбка эта была кривой, горькой, но в ней не было притворства.

– Вы очень напоминаете мне моего отца, – сказала она тихо. – Он тоже верил, что мир можно исправить, если заставить людей говорить правду. Его убили, знаете ли. Зарезали в собственном доме, когда я была в возрасте моего сына. И никто не понес наказания, потому что убийца был нужен новому королю.

Она взяла флакон из рук Элинон, и ее пальцы, холодные и сухие, на мгновение коснулись кожи алхимички.

– Я клянусь, – сказала Ирена, и голос ее зазвучал твердо, торжественно, как при произнесении древней клятвы, которую нельзя нарушить, не навлекая на себя проклятие. – Клянусь короной, которую носит мой сын, и памятью моего отца, чья кровь до сих пор не отомщена, что не трону никого, кто сложит оружие и признает власть Лотара. И пусть дракон будет свидетелем моей клятвы.

Она подняла флакон к свету, разглядывая прозрачную жидкость, и в ее глазах мелькнуло выражение, которое Элинон не могла разгадать – то ли страх, то ли надежда, то ли что-то еще, слишком глубокое, чтобы его можно было вытащить на поверхность.

– Когда? – спросила Ирена.

– Сегодня, – сказала Элинон. – На закате. Драконы просыпаются с заходом солнца. Вы должны быть на северной стене, там, где старый донжон. Он увидит вас. И тогда все решится.

Она отступила на шаг, и только сейчас заметила, что Маска смотрит на нее с особым, напряженным вниманием – не как на инструмент, а как на равного, как на человека, который только что сделал ход, изменивший всю доску. Его стальная маска блестела в свете свечей, и в прорезях для глаз, в самой их глубине, Элинон вдруг почувствовал нечто, похожее на уважение.

– Вы смелая женщина, – сказал он, и его глухой, металлический голос прозвучал в тишине, как удар колокола. – Или очень глупая. Время покажет.

Она не ответила. Она повернулась и вышла из залы, не оглядываясь, чувствуя спиной четыре пары глаз, которые провожали ее до самого порога. В коридоре, когда дверь за ней закрылась, она прислонилась спиной к холодной каменной стене и закрыла глаза. Ее сердце билось ровно, но внутри, где-то глубоко, дрожала тонкая, едва заметная вибрация – страх или предчувствие, она не могла различить.

Она сделала это. Она поставила все на один флакон, на одну ночь, на одного дракона, которого никогда не видела вживую. И теперь оставалось только ждать. Ждать заката. Ждать, когда багровая туча над горами превратится в крылья и огонь, и тогда станет ясно, кто в этой игре – игрок, а кто – всего лишь пешка, сгоревшая в первом же ходу.

Она открыла глаза и медленно пошла по коридору, туда, где винтовая лестница вела вверх, в ее башню, к столу, заваленному склянками, к книге отца, к окну, выходящему на север. Времени до заката оставалось немного, и ей нужно было подготовиться. Потому что сегодня вечером она собиралась сделать то, чего не делал еще ни один алхимик за последние триста лет. Она собиралась говорить с драконом. И не на языке людей, не на языке магии, а на том древнем, забытом наречии формул и субстанций, которое было старше всех королевств этого мира. И которое, если верить записям ее отца, было единственным языком, который драконы еще помнили.

Она поднялась в свою комнату, заперла дверь и достала из-за пазухи то, что хранила в тайном кармане, – маленький, запечатанный воском конверт. На нем было написано детским, неверным почерком: «Для алхимички. Если меня не станет». Она разорвала восковую печать и прочла письмо, которое принц Лотар сунул ей в руку, когда выходил из комнаты прошлой ночью.

В письме было всего несколько строк: «Я знаю, где ключ от нижней библиотеки. Он в спальне моего отца, под подушкой. Мама туда не заходит. Я хочу, чтобы вы нашли книгу, которую он читал перед смертью. Там написано, почему его убили. Пожалуйста, найдите. Это единственное, что мне нужно. Лотар».

Элинор свернула письмо, сунула его обратно в конверт и спрятала на груди, рядом с тем местом, где только что лежал флакон. Она посмотрела в окно, на север, где небо было чистым и ясным, и ни одного облачка не предвещало вечерней грозы.

– Твой отец был убит, маленький принц, – сказала она тихо, обращаясь к пустой комнате. – Но не снадобьем, как ты думаешь. Он был убит правдой. Такой же правдой, которую ты сейчас ищешь. И я найду ее для тебя. Даже если это будет стоить мне жизни.

Она подошла к столу, взяла пустую склянку, наполнила ее водой из кувшина и поставила на окно, на самое солнце. Вода в ней засверкала, заискрилась, и в этом маленьком, хрупком сосуде отразилось все небо – от серой полосы на востоке до золотистого заката, который уже начинал разгораться на западе.

Элинор смотрела на эту воду, и в ее голове складывалась последняя, самая сложная формула. Не из порошков и вытяжек. Из слов, из людей, из страхов и надежд, из клятв, которые будут даны, и клятв, которые будут нарушены. И в центре этой формулы стоял дракон – древний, полусонный, с глазами цвета расплавленной меди, который должен был сегодня сделать выбор. Но выбор, как знала Элинор, всегда делают не драконы. Выбор всегда делают люди. Драконы просто приходят туда, где правда.

Она взяла в руки книгу отца, открыла ее на последней странице и прочла слова, которые знала наизусть, но которые каждый раз читала снова, как заклинание: «Помни: правда – это не то, что говорится. Правда – это то, что остается, когда все слова сгорели. И если ты боишься огня, не ищи правду. Но если ты ее нашел, не бойся сгореть. Потому что даже пепел помнит, чем он был».

За окном, на востоке, серые тучи рассеялись, и солнце, тяжелое, багровое, как капля застывшей крови, начало свой медленный путь к закату. Через несколько часов оно коснется вершин Серебряных гор, и тогда, в тот самый миг, когда день встретится с ночью, она выйдет

на северную стену с пустыми руками и смотреть в глаза существу, которое старше всего, что она знает. И от того, что она скажет, будет зависеть не только ее жизнь, но и судьба королевства, и жизнь маленького принца, который доверил ей свою правду.

Элино́р закрыла книгу, задула свечу и села у окна, глядя на то, как свет медленно покидает долину, оставляя ее во власти теней, которые становились все длиннее, все гуще, пока наконец не слились в одну сплошную, непроглядную тьму, в которой уже ничего нельзя было различить, кроме далеких огней Андер-Града и одного-единственного, багрового, пульсирующего пятна на севере, где, просыпаясь от многовекового сна, дракон открывал глаза.

Глава пятая

Закат над Андер-Градом наступил неожиданно быстро, словно само время сжалось в комок, ускоряя бег к той точке, где все тайное должно было стать явным. Элино́р стояла на северной стене, у старого донжона, и ветер – холодный, пронзительный, несущий запах горной свежести и далекого, еще невидимого огня – трепал ее волосы, разметывая их по плечам серебряным пламенем. Она не надела ни плаща, ни перчаток. Она хотела чувствовать воздух каждой клеткой, потому что сегодня воздух был главным ингредиентом, главным свидетелем и главным проводником между миром людей и миром тех, кто жил в облаках и багровых тучах задолго до того, как первый камень Андер-Града лег в основание.

Северная стена была старой частью замка – той, что помнила еще Первых Королей. Камни здесь были не серыми, а почти черными, покрытыми лишайником, который в лучах заходящего солнца отливал медью и кровью. Бойницы смотрели на Серебряные горы узкими, хищными прорезями, и ветер, врываясь в них, выл на разные голоса – от низкого, басовитого сто́на до тонкого, пронзительного свиста, похожего на плач ребенка. Внизу, на плацу, уже собирались люди – те, кому было позволено знать, что должно произойти. Их было немного: леди Ирена в черном, с непокрытой головой, и ее волосы, темные, длинные, впервые за много лет распущенные по плечам, казались куском ночи, провалившимся в еще светлый день. Рядом с ней стоял Лотар – маленький, худой, сжимающий в руке маленький кинжал, который был скорее игрушкой, чем оружием, но в том, как он держал его, чувствовалась какая-то отчаянная, взрослая решимость. Маска замыкал шествие, неподвижный, как изваяние, но Элино́р знала, что за этой неподвижностью скрывается готовность к любому движению, к любой смерти, к любой цене.

Лорда Корвина не было. Он уехал сразу после утреннего разговора, сославшись на срочные дела в северных землях, но все понимали, что он просто ждал, какую сторону выбрать, и хотел увидеть исход битвы, не рискуя собственной шкурой. Умный человек. Или трусливый. Иногда это было одно и то же.

Элино́р стояла на стене одна. Ей не нужны были свидетели для того, что она собиралась сделать. Вернее, свидетели были – но не люди. Она смотрела на Серебряные горы, где багровая туча, висевшая там все последние дни, теперь медленно сползала вниз, к долине, меняя форму, становясь все более плотной, все более осязаемой. В ее глубине что-то пульсировало – ровно, тяжело, как сердце спящего гиганта, который просыпается и никак не может понять, который теперь век, и кто посмел нарушить его сон.

– Ты чувствуешь это? – тихо спросила она у ветра, но ветер не ответил, только сильнее рванул ее волосы, обжигая холодом щеки.

Внизу, на плацу, Ирена подняла голову, и Элино́р увидела, как ее лицо – бледное пятно среди черного платья и черных волос – повернулось к горам. Даже отсюда, с высоты, можно было разглядеть напряжение, застывшее в каждой черте королевы-матери: сжатые губы, широко открытые глаза, руки, сцепленные перед грудью так сильно, что побелели костяшки. Она боялась. И это было правильно. Потому что перед драконом нужно бояться. Только тот, кто умеет бояться, может не дрогнуть в решающий момент.

Прошло полчаса. Или час. Или целая вечность. Элино́р потеряла счет времени, потому что все ее чувства были сосредоточены на одном – на той точке на горизонте, где небо и горы сходились в линию, тонкую, как лезвие, и где сейчас, медленно, величественно, происходило то, чего не видел ни один живой человек уже триста лет.

Он появился не из тучи, как ожидала Элино́р. Он появился из гор, из самого их чрева, из расселины между двумя пиками, которую люди называли Вратами Дракона и которую никто никогда не исследовал. Сначала это был просто отблеск – багровая искра, загоревшаяся в черноте скал, такая маленькая, что ее можно было принять за отражение заката или за игру воображения. Но искра росла, ширилась, и вместе с ней рос звук – низкий, гудящий, похожий на раскат далекого грома, но более плотный, более тяжелый, такой, что, казалось, он проникал не в уши, а прямо в грудь, заставляя вибрировать ребра и кровь в жилах.

– Он идет, – прошептала Элино́р, и губы ее не слушались, пересохшие от ветра и напряжения.

Дракон вынырнул из ущелья, и мир на мгновение замер. Он был не таким, как на гобеленах и в книгах. Не чудовищем с картинок, где художники изображали драконов похожими на огромных ящериц с крыльями летучей мыши. Гхор был созданием иной породы, иной эпохи. Его тело, длинное, гибкое, покрытое чешуей, которая переливалась от пепельно-серого до багрового в зависимости от того, как падал свет, казалось выкованным из металла и вулканического стекла. Крылья его были не перепончатыми, а жесткими, как у древних летающих ящеров, что жили еще до того, как первые эльфы научились говорить, и каждое движение этих крыльев рождало ветер, который долетал даже сюда, до стен Андер-Града, трепля волосы и платье. Глаза – Элино́р не могла разглядеть их с такого расстояния, но знала по описаниям отца – были цвета расплавленной меди, и в них не было ни злобы, ни мудрости, ни того, что люди привыкли называть душой. В них была древность. Такая глубокая, что человеческий разум не мог ее вместить, и при одном взгляде в эти глаза начинала кружиться голова, потому что время, которое они помнили, было длиннее, чем жизнь любого королевства, и в нем тонули все человеческие страсти, все битвы, все клятвы, все предательства.

– Боги милостивые, – донесся снизу приглушенный голос – кто-то из наемников не сдержался, и голос его был полон не столько страха, сколько благоговения, которое испытывают люди перед явлением, превосходящим их понимание.

Дракон летел медленно, неторопливо, как хозяин, который обходит свои владения после долгого сна. Он не торопился. Он знал, что его ждут, и хотел, чтобы те, кто ждет, успели почувствовать всю тяжесть его присутствия, всю необратимость того, что должно случиться. Его тень, огромная, черная, скользила по долине, накрывая поля, лес, реку Белль, и там, где проходила эта тень, замолкали птицы, переставала шуметь листва, и даже вода в реке, казалось, текла медленнее, боясь нарушить тишину, которую принес с собой этот древний, полусонный ужас.

Элинора смотрела на приближающегося дракона, и в груди ее нарастало странное, незнакомое чувство. Не страх. Не восторг. Что-то похожее на узнавание, как будто она уже видела это существо когда-то, очень давно, в другом времени, в другой жизни, и теперь, спустя годы, они встречались снова, чтобы закончить разговор, прерванный на полуслове. Она вспомнила слова отца, написанные на полях одной из его книг: «Драконы – это не звери и не боги. Драконы – это воплощенные вопросы, на которые мы так и не нашли ответов. И пока они летают над нашими головами, мы не можем считать себя хозяевами этого мира».

Гор приближился на расстояние, когда уже можно было разглядеть не только его силуэт, но и детали – шрамы на чешуе, оставленные, должно быть, в битвах с такими же, как он, тысячи лет назад, костяные наросты на голове, похожие на корону, и огромные, перепончатые уши, которые он прижимал к голове, планируя в воздушных потоках. Он сделал круг над замком, и на мгновение его тень накрыла весь Андер-Град целиком, от восточного крыла до западных ворот, и в этой тени стало темно, как в глубокую полночь. Внизу кто-то закричал, и крик этот был тут же заглушен звуком крыльев, которые били по воздуху с силой урагана.

Дракон не приземлился. Он завис напротив северной стены, на расстоянии вытянутой руки, и его крылья, распахнутые во всю ширь, казалось, закрывали полнеба. Жар, исходивший от его тела, был ощутим даже здесь, на стене, – сухой, обжигающий, пахнущий серой и древним, выветренным камнем. И тогда Элинора увидела его глаза. Они были огромными, каждое яблоко размером с человеческую голову, и цвет их действительно напоминал расплавленную медь, но в самой глубине, в зрачках, вертикальных, как у кошки, горело что-то еще – не огонь, а то, что было до огня, первозданная, чистая энергия, которая не знала ни добра, ни зла, а только силу.

Дракон смотрел на нее. Не на Ирену, не на Лотара, не на Маску, которые замерли внизу, вжавшись в камни. Только на нее. И в этом взгляде не было ни угрозы, ни интереса – только та самая древность, которая смотрела сквозь время, сквозь века, сквозь человеческие жизни, которые для дракона были не длиннее, чем одно мгновение для человека.

Элинора медленно, очень медленно, чтобы не спровоцировать движение, которое могло быть воспринято как угроза, подняла руку. В ней не было ничего – ни флякона, ни кинжала, ни жезла. Она подняла пустую ладонь, обратив ее к дракону, и заговорила. Не на языке людей, не на эльфийском наречии, которым владели придворные маги, а на языке формул, на том древнем, забытом языке чисел и пропорций, который ее отец называл языком Истины. Она назвала не имя дракона – имена были для людей. Она назвала формулу его сущности, ту самую, что вывел Альдрик в своих запрещенных записях: соотношение серы и ртути в его крови, длину волны огня, который он выдыхал, температуру плавления его чешуи, скорость ветра, необходимую, чтобы его крылья могли удерживать такую огромную тушу в воздухе. Она говорила не словами, а числами, и числа эти, произнесенные вслух, обретали странную, пугающую материальность, повисая в воздухе между ней и драконом, как невидимые нити.

Дракон моргнул. Впервые за все время он отвел взгляд, и это движение, такое простое, такое животное, вдруг разрушило всю его сверхъестественную отстраненность, сделав его просто очень старым, очень большим живым существом, которое только что услышало нечто, заставившее его вспомнить времена, когда люди еще не научились лгать.

Он открыл пасть. Элино́р увидела ряды зубов – не острых, как у хищника, а плоских, как у существа, которое перемалывает камень, и из глубины этой пасти пахнуло жаром, сухим и невыносимым, как из открытой печи. Но огня не было. Вместо огня из глотки дракона вырвался звук – низкий, гудящий, такой низкий, что его нельзя было слышать ушами, только почувствовать всем телом, каждой косточкой, каждым нервом. Этот звук длился долго, несколько секунд, и за это время Элино́р показалось, что она видит то, что видел дракон за свою долгую жизнь: подъем и падение империй, рождение и смерть королей, приход людей в долину, строительство Андер-Града, кровь, пролитую на этих камнях, и слезы, которые не могли смыть эту кровь.

Когда звук затих, дракон медленно, с той же неторопливой грацией, с какой летел, опустился на стену. Его когти – каждый размером с человеческое тело – впились в древние камни, высекая искры, и стена застонала под его тяжестью, но выдержала. Он сложил крылья, и теперь, когда они не заслоняли небо, стало видно, что он меньше, чем казался в полете, – но все равно огромный, настолько огромный, что его голова находилась на одном уровне с верхушкой донжона, а хвост, длинный, гибкий, уходил далеко вниз, к подножию стены.

Дракон опустил голову, приблизив свою морду к Элино́р так близко, что она могла разглядеть каждую чешуйку, каждый шрам, каждую трещинку на этой древней, испепеленной временем коже. Его глаз, медный, горячий, находился теперь в двух шагах от нее, и в этом глазу она увидела себя – маленькую, бледную, с разметававшимися по ветру белыми волосами, похожую на мотылька, который сел на край кратера спящего вулкана.

– Ты знаешь формулу, – сказал дракон. Это были не слова в привычном смысле, не звуки, которые произносят губы и язык. Это было прямое обращение к сознанию, к той его части, которая находится за пределами речи, за пределами мысли, там, где рождаются самые древние, самые глубокие истины. – Никто из людей не знал ее триста лет. Откуда?

Элино́р не отступила. Она стояла, глядя в медный глаз, и в этом взгляде было что-то от того, как смотрят в бездну, зная, что бездна смотрит в ответ, и это знание делает тебя либо безумцем, либо тем, кто способен изменить мир.

– Мой отец, – сказала она, и голос ее, обычный человеческий голос, прозвучал в этой сверхъестественной тишине странно, неуместно, как крик птицы в подземелье. – Он нашел ваши старые книги. Он расшифровал ваши числа. Его сожгли за это.

Дракон медленно моргнул, и веко его, тяжелое, как каменная плита, опустилось и поднялось снова. В этом движении не было ни сочувствия, ни равнодушия – только знание.

– Я помню его, – сказал дракон. – Он пришел к горам, когда ты была еще маленькой. Он стоял на том же месте, где стоишь ты сейчас, и говорил те же числа. Но он боялся. Я чувствовал его страх. Он боялся не меня, а того, что узнает. Я не стал его слушать. Страх лжет, даже когда говорит правду.

Элино́р почувствовала, как внутри у нее что-то оборвалось. Она не знала, что отец приходил к дракону. В его записях об этом не было ни слова. Но теперь, когда дракон сказал это, она поняла, почему последние годы жизни Альдрика были такими темными, почему он перестал смеяться, почему записи в его дневнике становились все короче, все отрывистее, пока не

оборвались совсем за три дня до того, как его схватили. Он знал. Он знал что-то такое, что сделало его страх сильнее любых формул.

– Я не боюсь, – сказала Элино́р, и, произнеся эти слова, она поняла, что они правдивы. Страх был, но он был где-то далеко, на периферии сознания, как шум моря, который слышен, но не мешает думать. В центре же была только тишина – чистая, прозрачная, как та жидкость, которую она приготовила ночью.

Дракон медленно, очень медленно, открыл пасть шире, и на этот раз из глубины ее показался не жар, а свет – ровный, золотистый, льющийся из самой глотки, как из жерла вулкана, в котором вместо лавы – расплавленное солнце. Этот свет коснулся лица Элино́р, и она почувствовала тепло, не обжигающее, а проникающее внутрь, в самую суть, туда, где хранились все ее тайны, все страхи, все надежды, которые она прятала даже от себя.

– Ты не боишься, – сказал дракон, и в его голосе, который звучал не снаружи, а внутри, в самой глубине сознания, впервые за все время послышалось что-то, похожее на удивление. – Но ты не знаешь, зачем ты здесь. Ты думаешь, что знаешь. Ты пришла с рецептом, с флаконом, с клятвой королевы. Но ты не знаешь главного. Хочешь узнать?

Элино́р не успела ответить. Внизу, на плацу, что-то произошло. Она услышала крик – не испуганный, а торжествующий, полный той дикой, животной радости, которая бывает у людей, когда они видят, что их враг уязвим. Она узнала голос Маски, искаженный сталью, но от этого не менее отчетливый:

– Теперь! Бей!

И в следующий миг из бойниц восточного крыла, с нижних ярусов северной стены, из-за баррикад, которые казались просто оборонительными сооружениями, ударили баллисты. Три огромные стрелы, каждая длиной с копье, с железными наконечниками, покрытыми чем-то, что блесло в лучах заката зеленоватым, ядовитым светом, вонзились в бок дракона. Гхор взревел – и это был уже не звук, а стихия, ударная волна, которая сбросила Элино́р с ног, припечатала к каменному парапету, а внизу, на плацу, опрокинула людей, погасила факелы, выбила стекла в окнах восточного крыла. Кровь дракона – черная, густая, дымящаяся – хлынула из ран, и там, где она падала на камни, камень начинал плавиться, шипеть, испуская удушливый серный дым.

Элино́р поднялась, цепляясь за парапет, и в этот момент она увидела лицо Ирены. Королева-мать стояла внизу, и на ее лице не было ни торжества, ни ужаса. Там было торжество. Глаза ее горели тем же зеленоватым, ядовитым светом, что и наконечники стрел, и в руке она сжимала хрустальный флакон – тот самый, который Элино́р дала ей утром. Флакон был пуст.

– Ты... – прошептала Элино́р, и слова застряли в горле, потому что она поняла все. Слишком поздно. Она поняла, что Ирена не собиралась пить зелье. Она собиралась использовать его иначе. Она знала, что дракон придет на формулу, на числа, на правду, которую несла в себе Элино́р. И она использовала алхимичку как приманку, а флакон – как катализатор, но не для приручения, а для уничтожения.

Дракон взревел снова, и в этом реве было уже не удивление, а ярость – древняя, слепая ярость существа, которое помнило времена, когда люди еще не смели поднимать на него ору-

жие. Он взмахнул крыльями, и ударная волна от этого взмаха была сильнее первой. Стены Андер-Града зашатались, в башнях посыпалась каменная крошка, и где-то внизу, с грохотом обвалилась часть восточной галереи. Из его пасти вырвалось пламя – не струя, а целый поток, река огня, которая хлынула на плац, туда, где стояли Ирена, Лотар, Маска и наемники. Но в последний момент, когда огонь уже коснулся земли, дракон дернул головой, и пламя ушло в сторону, лизнув стену восточного крыла, которая вспыхнула, как сухая трава.

– Лотар! – крикнула Элино́р, и голос ее потонул в реве огня и грохоте падающих камней.

Она не думала. Она не рассчитывала формул, не взвешивала пропорций, не искала рационального решения. Она просто побежала. Вдоль стены, к лестнице, которая вела вниз, на плац, туда, где среди дыма и огня она видела маленькую фигурку в бархатной куртке с золотыми драконами, прижатую к земле ударной волной.

Дракон взлетел. Его крылья, распахнутые, раненные, с торчащими из них древками баллист, заслонили полнеба, и в свете пожара, который уже охватывал восточное крыло, его чешуя казалась не серой и не багровой, а черной, как сажа, как траур, как сама смерть. Он взмыл вверх, и в его глазах, которые Элино́р успела увидеть в последний раз, прежде чем он скрылся в тучах, не было ничего, кроме боли и обещания. Он вернется. И в следующий раз он не будет слушать формулы. Он будет жечь.

Элино́р сбежала по лестнице, перескакивая через три ступени, не чувствуя ни ветра, ни дыма, ни жара, который уже плавил камни под ногами. Она выскочила на плац в тот момент, когда вторая волна огня – дракон уже в небе, уже высоко, но пламя, которое он изверг перед уходом, падало сверху, как дождь, – накрыла восточное крыло целиком. Люди метались по двору, кто-то пытался тушить огонь, кто-то бежал к воротам, кто-то стоял на коленях, глядя в небо и бормоча молитвы, которые никто не слышал.

Ирена стояла посреди плаца, не двигаясь. Ее черное платье было покрыто пеплом, лицо было белым, как мел, но в глазах по-прежнему горел тот зеленоватый, ядовитый огонь, который Элино́р видела на наконечниках стрел. В руке она все еще сжимала пустой флакон, и пальцы ее были сжаты так сильно, что стекло треснуло, врезавшись в кожу.

– Ты обманула меня, – сказала Элино́р, подходя к ней, и голос ее был тих, но в этой тишине, наступившей между двумя взрывами пламени, он прозвучал как приговор.

Ирена посмотрела на нее, и в ее взгляде не было ни раскаяния, ни торжества, которое она испытывала минуту назад. Там была только пустота – такая же черная, как ее платье, такая же глубокая, как тайна, которую она носила в себе много лет.

– Ты сказала, что дракон видит правду, – сказала Ирена, и голос ее был спокоен, слишком спокоен для женщины, которая только что обрекла себя на смерть. – Ты была права. Он увидел. И он увидел, что я – та, кто убил короля. Не снадобьем, нет. Я убила его правдой. Я сказала ему перед смертью, что Лотар – не его сын. Что я ждала этого ребенка от другого, когда он, старый и больной, уже не мог... Она замолчала, и ее губы, белые, потрескавшиеся, дрогнули. – Он умер не от яда. Он умер от того, что я сказала. И я думала, что если дракон увидит это, он поймет, что я сильная. Что я достойна. Но он увидел только ложь. Всю ложь, которой я окружила себя.

Она подняла руку с разбитым флаконом, и стекло вонзилось в ее ладонь, но она, казалось, не чувствовала боли.

– Теперь он вернется, – сказала она. – И сожжет все. И меня, и Эдвина, и этот замок, и всех, кто в нем. Это будет конец.

– Где Лотар? – спросила Элинон, и в ее голосе не было ни жалости, ни злобы, только вопрос, который требовал ответа.

Ирена моргнула, и в ее глазах, на мгновение, мелькнуло что-то живое – страх, но не за себя.

– Он побежал в башню. В башню отца. Он хотел спасти книги. Его книги. Тот дневник, который он читал перед смертью.

Элинон не стала слушать дальше. Она побежала к главному входу в восточное крыло, которое уже было объято пламенем. Дым валил из всех окон, из всех дверей, и в этом дыму, оранжевом, удушливом, ничего нельзя было разглядеть. Она скинула с себя плащ, намочила его в бочке с водой, которая чудом уцелела посреди двора, накинула на голову и шагнула внутрь.

Жар встретил ее, как живое существо – обжигающий, требовательный, требующий, чтобы она ушла, чтобы оставила ему то, что он уже считал своим. Деревянные панели на стенах трещали, осыпаясь углями, пол под ногами был горячим, и дым стелился понизу, густой, черный, липкий. Она шла на ощупь, вдоль стены, туда, где должна быть лестница, ведущая в башню. Где-то над головой рухнула балка, и сноп искр взметнулся к потолку, на мгновение осветив коридор. Элинон увидела лестницу – она была цела, но ступени ее уже дымились, и перила превратились в факелы.

Она начала подниматься, и каждый шаг давался с трудом – не от слабости, а от того, что воздух стал жидким, его не хватало, и каждый вдох обжигал легкие, как глоток расплавленного металла. Она звала Лотара, но голос ее тонул в треске огня, в грохоте падающих камней, в том низком, ровном гуле, который издавал пожар, пожирающий дерево и камень с одинаковой жадностью.

На третьем этаже она нашла его. Он лежал на площадке, прижав к груди толстую книгу в кожаном переплете, и дым уже начал заволакивать его лицо, делая его неразличимым, как у куклы, которую забыли в горящем доме. Элинон подхватила его на руки – он был легче, чем она думала, легче, чем ее алхимические склянки, легче, чем флакон с правдой, который она носила на груди. Она побежала вниз, не чувствуя, как пламя лижет ее волосы, как дым разъедает глаза, как ступени прогибаются под ногами, готовые обрушиться.

Она выскочила наружу в тот момент, когда за ее спиной, с грохотом, обрушилась вся лестничная клетка, похоронив под собой то, что осталось от башни. Она упала на колени, прижимая к себе мальчика, и только сейчас почувствовала боль – руки обожжены, лицо горит, волосы пахнут паленым, а в груди, там, где сердце, колотится что-то горячее, огромное, готовое разорваться.

Лотар открыл глаза. Живые, серые, испуганные, но живые. Он посмотрел на нее, и в его взгляде было не благодарность, а что-то другое – узнавание, как у дракона, который смотрит на того, кто не испугался.

– Я нашел, – прошептал он, протягивая ей книгу. – Книгу, которую читал отец. Там все написано. Почему его убили. Кто его убил. Я хотел... я хотел, чтобы вы знали.

Элинор взяла книгу – тяжелую, в обгоревшем переплете, еще теплую от огня – и прижала ее к груди, рядом с пустым флаконом, рядом с сердцем.

– Знаю, – сказала она, и голос ее был хриплым, чужим. – Я теперь все знаю.

Она подняла голову к небу. Дракона не было видно. Только тучи, багровые, тяжелые, висели над горами, и в них, иногда, вспыхивали зарницы – или то, что люди принимали за зарницы. Но Элинор знала. Он вернется. Не сегодня, не завтра, но вернется. И в следующий раз она будет готова. Не с флаконом правды, который можно использовать как оружие. Не с формулой, которую можно обратить во вред. С чем-то другим. С тем, чему ее научила эта ночь: что правда – это не то, что можно дать другому. Правда – это то, что человек должен найти сам, пройдя через огонь.

А вокруг нее горел Андер-Град, и в свете этого пожара тени металась по стенам, как живые, и где-то вдали, за долиной, били колокола, созывая людей на битву, которая только начиналась.

Глава шестая

Пепел падал на Андер-Град трое суток. Он ложился на плечи дозорных, сменившихся на стенах, на черные от копоти лица женщин, разбиравших завалы, на серебряные драконьи головы на башнях, которые теперь казались не украшением, а насмешкой. Он смешивался с грязью в замковом дворе, превращаясь в серую, липкую жижу, в которой тонули копыта лошадей и тяжелые сапоги солдат. И каждый раз, когда ветер менял направление, этот пепел поднимался в воздух, кружил над руинами восточного крыла и сыпался обратно, не находя себе места, как души погибших, которые не могли покинуть место своей смерти.

Элинор сидела в комнате, которую ей выделили после пожара, – маленькой, сырой клетушке в западной башне, той самой, где когда-то жил ее отец во время своих редких визитов ко двору. Стены здесь были голыми, без гобеленов, и на одной из них, выцарапанный на камне, сохранился алхимический знак – круг, разделенный на четыре части, тот самый, что она носила на груди. Она провела по нему пальцами, и в этом движении было что-то от молитвы, хотя она никогда не верила в богов, которым молятся на коленях.

Руки ее были перевязаны – ожоги оказались неглубокими, но болезненными, и каждое движение отдавалось тупой, ноющей болью. Лицо тоже горело, и в маленьком осколке зеркала, который она нашла среди уцелевших вещей, она увидела чужую женщину – бледную, с обожженными бровями и волосами, которые пришлось обрезать, потому что они спеклись в неопрятные, паленые колтуны. Блондинка алхимичка. Теперь она походила скорее на солдата, вернувшегося с поля боя, – и это сходство было ей почему-то не противно, а даже утешительно. Она выжила. И этого было достаточно.

Книга, которую Лотар вынес из огня, лежала перед ней на столе – тяжелый фолиант в кожаном переплете с бронзовыми углами, почерневшими от времени и копоты. Это был дневник короля Олдрика, последний год его жизни, записанный его собственной рукой – твердой, размашистой, с теми резкими нажимами, которые бывают у людей, привыкших, чтобы их слова не оспаривали. Элинон уже прочла его, от первой страницы до последней, и теперь сидела, глядя на раскрытую книгу, не в силах закрыть, но и не в силах читать дальше. Потому что то, что она узнала, было тяжелее любого яда, тяжелее драконьего огня, тяжелее всего, что она вынесла за эти дни.

Король Олдрик знал. Он знал, что Лотар не его сын. Знал, что Ирена ждала ребенка от другого – от человека, чье имя она так и не назвала, даже в самые страшные минуты, когда король, уже прикованный к постели болезнью, требовал от нее правды. Но он не проклял ее и не убил. Он сделал то, что никто не понял, никто не оценил, и что стало причиной его смерти. Он назвал Лотара наследником. Не Эдвина, своего старшего, законного сына, а этого мальчика, рожденного от чужой крови, потому что, как записал он в дневнике за три дня до смерти: «Эдвин – жесток. Я видел, как он смотрит на слуг, как ломает игрушки, когда злится, как смеется над слабыми. Он будет править, как правят железом – ломая все, что не гнется. А Лотар... Лотар добр. Он не знает, что я не его отец, и я никогда ему не скажу. Он будет править, как правят сердцем. И это единственное, что может спасти Андерсион от той тьмы, которую я вижу на горизонте. Пусть моя кровь будет проклята, если я ошибаюсь. Но я не ошибаюсь».

Ирена не знала, что муж знал. Она думала, что ее тайна – ее оружие, ее сила, то, что делает ее свободной от этого старого, больного короля, который мешал ей жить. Она отравила не его вино – она отравила его словами, сказав ему правду, которую он уже знал. И он умер не от яда и не от разрыва сердца, а от того, что понял: его жертва – его отказ от собственного сына ради чужого, его вера в доброту, которая спасет мир, – была не нужна. Ирена не хотела трона для сына. Она хотела трона для себя. И Лотар, этот маленький, испуганный мальчик с серыми глазами, был для нее не наследником, а ширмой, за которой она собиралась править сама, опираясь на наемников Маски, на северные земли Корвина, на дракона, которого надеялась подчинить своей воле.

Элинон закрыла книгу и убрала ее в потайной ящик, который обнаружила в стене за алхимическим знаком. Здесь, в этой комнате, где когда-то работал ее отец, было много таких тайников, и она надеялась найти в них не только дневник короля, но и то, что принадлежало Альдрику – его записи, его формулы, его ответы на вопросы, которые мучили ее всю жизнь. Но пока она нашла только это – тяжелую правду, которая лежала на душе, как камень.

За окном, в замковом дворе, снова ударил колокол. Не набат – простой, будничный звон, созывающий людей на утреннюю поверку. Жизнь в Андер-Граде входила в свою новую колею, ту, которая пролегла между пеплом и надеждой, между страхом и необходимостью жить дальше. Восточное крыло сгорело почти полностью, и теперь на его месте чернели обугленные стены, похожие на ребра гигантского животного, которое издохло, но не упало. Тела погибших – а их оказалось больше тридцати – вытащили и похоронили в общей могиле за стенами замка, потому что хоронить внутри, на священной земле, Ирена запретила. Она не хотела, чтобы могилы напоминали о ее поражении.

Сама королева-мать заперлась в своих покоях, которые чудом уцелели в северной башне, и не выходила оттуда уже три дня. Говорили, что она не ест и не пьет, только сидит у окна, глядя на Серебряные горы, и перебирает четки, которые когда-то принадлежали королю. К ней

никто не допускался, даже Лотар. Особенно Лотар. Элино́р несколько раз пыталась пробиться к ней, но стража, выставленная Маской, была непреклонна: королева никого не принимает. И это молчание было страшнее любых криков, любых угроз, любых обвинений. Потому что в нем чувствовалась та же глубокая, черная пустота, которую Элино́р видела в глазах Ирены на плацу, когда дракон улетал, оставляя за собой пожарище.

На третий день после пожара в замок вошел принц Эдвин. Это был не triumphal въезд победителя, не демонстрация силы, которой так боялась Ирена. Он пришел пешком, через главные ворота, в простом дорожном плаще, без свиты, без герольдов, без меча. Только с одним спутником – лордом-маршалом Фарреллом, который шел за ним, как тень, тяжелый, угрюмый, с лицом, изрытым морщинами, в которых застыло не то осуждение, не то усталость.

Элино́р наблюдала за их появлением из окна своей башни. Эдвин изменился. В нем не было той самоуверенной, хищной грации, которая поразила ее в первый день, когда он стоял на площади, окруженный баронами. Он шел медленно, глядя себе под ноги, и в его походке чувствовалась тяжесть, как у человека, который несет на плечах то, что не может сбросить. Его светлые волосы, всегда аккуратно уложенные, теперь висели нечесаными прядями, а на щеке, у самого рта, темнел свежий шрам – след от осколка камня, должно быть, когда в первую ночь пожара обрушилась часть восточной галереи.

Он не пошел к Ирене. Он пошел в тронный зал – тот, что в центральной части замка, уцелевший, потому что ветер в ту ночь дул с востока, и пламя не тронуло древние стены, где короновались все короли Андерииона, начиная с первого. Элино́р спустилась вниз, не зная зачем, но чувствуя, что сейчас должно произойти что-то важное, то, что она должна увидеть своими глазами.

Тронный зал был пуст. Высокие стрельчатые окна пропускали серый, унылый свет, который падал на каменный пол, выложенный мозаикой, изображающей битву Первого Короля с драконом. Эдвин стоял перед троном – огромным креслом из черного дерева, инкрустированным золотом и драконьей костью, – и смотрел на него так, как смотрят на лицо умершего отца, в котором узнают свои черты, но не узнают себя. Фаррелл остался у входа, скрестив руки на груди, и его лицо было непроницаемо, как стена.

Эдвин не сел на трон. Он медленно, очень медленно, опустился на колени перед ним, и это движение было таким неожиданным, таким нелепым для человека, который всю жизнь учился быть выше всех, что у Элино́р перехватило дыхание.

– Я не хотел этого, – сказал он, и голос его прозвучал в пустом зале глухо, потерянно. – Я не хотел войны. Я думал, что трон – это то, что принадлежит мне по праву. По крови. По рождению. Я думал, что если я буду сильным, если я буду железным, как отец, то никто не посмеет встать у меня на пути. Но я ошибся.

Он замолчал, и тишина в зале стала такой плотной, что, казалось, ее можно было резать ножом. Элино́р стояла у колонны, скрытая ее тенью, и слышала, как за тонкой стеной кто-то плачет – тихо, надрывно, как плачут дети, которые потеряли что-то очень важное и не могут это найти.

– Я видел, как горел замок, – продолжал Эдвин, и голос его дрогнул. – Я стоял на холме, за три мили отсюда, и смотрел, как пламя пожирает стены, где я родился, где я вырос, где моя

мать учила меня первому слову. И я понял, что я не хочу быть королем, если для этого нужно смотреть на пепел и знать, что ты мог это остановить, но не остановил.

Он поднял голову, и Элинор увидела его глаза – серые, прозрачные, полные той муки, которая бывает у людей, когда они понимают, что вся их жизнь была построена на ошибке, и эту ошибку уже нельзя исправить.

– Я пришел сюда не за тронном, – сказал он, обращаясь не к Фарреллу, не к пустому залу, а к кому-то, кого здесь не было. – Я пришел просить прощения. У мачехи. У Лотара. У всех, кого я считал врагами, но кто был просто другими. И я пришел сказать, что я ухожу. В Северный дозор. Туда, где варвары каждый год пытаются прорвать границу. Мое место там. Не здесь.

Фаррелл шагнул вперед, и его лицо, до этого непроницаемое, вдруг исказилось – не гневом, а чем-то более сложным, смесью облегчения и горечи.

– Ваше высочество, – начал он, но Эдвин перебил его, подняв руку.

– Не называй меня так, Фаррелл. Я больше не принц. Я просто солдат. Или, может быть, просто человек, который слишком поздно понял, что такое правда.

Он встал с колен и направился к выходу, и в его походке уже не было той тяжести, что была при входе. Она сменилась чем-то другим – не легкостью, но облегчением, как у человека, который сбросил с плеч ношу, которую носил слишком долго.

У двери он остановился и обернулся. Его взгляд упал на колонну, за которой стояла Элинор, и на мгновение их глаза встретились. В его взгляде не было узнавания – он видел в ней не алхимичку, не женщину, которая принесла в замок дракона, а просто свидетеля. И этого было достаточно.

– Если увидите леди Ирену, – сказал он, – передайте ей... передайте, что я не держу зла. Ни на нее, ни на Лотара. И что трон... трон пусть достанется тому, кто сможет на нем удержаться. Потому что я понял: трон – это не награда. Это наказание. И не каждый готов его нести.

Он вышел, и Фаррелл, помедлив, последовал за ним. Их шаги затихли в коридоре, и в тронном зале снова стало тихо, только ветер гудел в стрельчатых окнах, завывая на разные голоса, как будто сам замок оплакивал то, что случилось, или, может быть, радовался тому, что, наконец, услышал правду.

Элинор вышла из-за колонны и подошла к трону. Она стояла перед ним, маленькая, обожженная, с перевязанными руками, и смотрела на это кресло, которое стоило жизни королю, слез мальчика, крови наемников, драконьего огня. Она протянула руку и коснулась подлокотника – холодного, гладкого, отполированного сотнями ладоней, которые когда-то лежали на нем, принимая решения, менявшие судьбы тысяч людей. И в этом прикосновении не было ни трепета, ни страха, только холодная, спокойная определенность.

– Ты не награда и не наказание, – сказала она тихо, обращаясь к трону, как к живому существу. – Ты просто вещь. Кусок дерева и кости. И только люди делают тебя чем-то большим. И только люди платят за это своей кровью.

Она убрала руку и отошла. В дверях она столкнулась с Лотаром. Мальчик стоял на пороге, держа в руках ту самую книгу, которую спас из огня, и в его глазах, серых, огромных, было что-то новое, чего она не видела раньше. Не детская испуганная решимость, а что-то более глубокое, более взрослое – понимание.

– Вы слышали? – спросил он, и голос его был тих, но тверд.

– Да, – сказала Элинон. – Я слышала.

– Он уходит, – сказал Лотар. – Эдвин. Он уходит в Северный дозор. И мама... мама не выходит из своей комнаты. Говорят, она сошла с ума. Говорят, она плачет и смеется одновременно. Говорят, она зовет дракона, чтобы он вернулся и сжег всех.

Он помолчал, и в тишине, наступившей после его слов, стало слышно, как где-то далеко, в северной башне, кто-то кричит – не слова, а просто звук, похожий на вой раненого зверя.

– Я теперь один, – сказал Лотар, и в его голосе не было жалости к себе, только констатация факта. – Мама не может править. Эдвин ушел. Бароны... бароны скоро узнают, что произошло, и тогда они начнут рвать королевство на куски. Как вы думаете, что мне делать?

Элинон опустилась перед ним на корточки, чтобы их глаза были на одном уровне. Она смотрела на этого мальчика – худого, бледного, с обгоревшей курткой, которую он так и не снял, – и в ее голове не было формул, не было расчетов, не было холодной алхимической логики. Было только одно, простое, человеческое чувство, которое она считала в себе давно убитым, но которое вдруг оказалось живучее любого яда, любого огня, любой правды.

– Ты не один, – сказала она, и голос ее был тих, но в нем была та уверенность, которая не нуждается в доказательствах. – У тебя есть книга твоего отца. Там все написано. Он верил в тебя. Не потому, что ты его сын по крови, а потому, что ты его сын по духу. Он видел в тебе то, что не видел в Эдвине – доброту. И он думал, что доброта важнее силы. Он, может быть, ошибался. Но, может быть, и нет.

Она взяла его руки в свои – маленькие, холодные, с грязью под ногтями, детские руки, которые уже знали, что такое держать книгу, пока вокруг рушится мир.

– Трон, – сказала она, – это не награда и не наказание. Это работа. Самая тяжелая работа в этом королевстве. И если ты решишь ее делать, ты должен знать: тебе придется принимать решения, которые будут ломать людей. Тебе придется выбирать между плохим и очень плохим. Тебе придется смотреть в глаза тем, кто будет тебя ненавидеть, и улыбаться тем, кто будет тебя предавать. Но если ты будешь помнить, зачем ты это делаешь – не ради власти, не ради мести, а ради тех, кто не может защитить себя сам, – тогда, может быть, у тебя получится.

Лотар смотрел на нее, и в его глазах, серых, огромных, медленно разгорался тот самый огонь, который она видела у дракона – не пламя, а свет, ровный, устойчивый, который не гаснет даже в самую темную ночь.

– Я попробую, – сказал он. – Я не знаю, получится ли у меня. Но я попробую.

Он повернулся и пошел к трону, медленно, неуверенно, как человек, который делает первые шаги по тонкому льду. Он подошел к креслу, положил на него руку, и в этом движении, неловком, детском, было что-то удивительно правильное, как будто трон, наконец, нашел того, кому принадлежал по праву, не по крови, а по чему-то другому, более важному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.